

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КУЛЬТУР
БРОНЗОВОГО ВЕКА
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО
РЕГИОНА:**

НОВЫЕ ДАННЫЕ И МАТЕРИАЛЫ

*Тезисы докладов круглого стола
3–5 декабря 2018 г.*

Москва 2018

УДК 902/904
ББК 63.4
С25

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к.и.н. А.Н. Гей

Редактор-составитель
к.и.н. М.В. Андреева

Рецензенты:
к.и.н. Ю.В. Лунькова, к.и.н. А.Ю. Скаков

Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола. — М.: ИА РАН, 2018. — 92 с., ил.

В сборнике публикуются тезисы 39 докладов на круглом столе, организованном Отделом бронзового века Института археологии РАН. Во встрече участвовали специалисты из России, ближнего и дальнего зарубежья (Украина, Азербайджан, Румыния). В центре внимания — проблемы изучения и интерпретации памятников эпохи раннего металла от энеолита до позднего бронзового века на территории Европейской части России, Украины и Закавказья. Доклады посвящены вопросам хронологии, типологии и взаимодействия культур в свете новых материалов, полученных в последние годы в ходе полевых и лабораторных исследований.

ISBN 978-5-94375-261-2
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-261-2

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2018
© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авилова Л.И.</i> Бронзовые топоры из поселения Телль Юнаците и проблема отдаленных контактов в Балкано-Анатолийском регионе	5
<i>Амиров Ш.Н.</i> Культура Сиони эпохи халколита в Восточном Закавказье	7
<i>Андреева М.В.</i> Ергенинский могильник – выдающийся памятник предкавказской (манычской) катакомбной культуры.....	8
<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i> Характер военного конфликта на телле Юнаците (финал энеолита)	10
<i>Гак Е.И.</i> Металл переходного периода к среднему бронзовому веку в Предкавказье и на юго-востоке Русской равнины	11
<i>Гей А.Н.</i> Кресла-«троны» и повозки в культурах бронзового века Циркумпонтийского ареала	13
<i>Горошников А.А.</i> Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова	17
<i>Дегтярева А.Д., Рындина Н.В.</i> Традиции и модели цветного металлопроизводства западной и восточной зоны ямной культурно-исторической области	19
<i>Желудков А.С., Смольянинов Р.В., Куличков А.А.</i> Фатьяновские материалы в Донской лесостепи	21
<i>Завершинская М.П.</i> 3D реконструкция жилища эпохи поздней бронзы (по материалам поселений правобережья Нижнего Дона.....	22
<i>Загородняя О.Н.</i> Результаты изучения орудий металлообработки позднебронзового века из Картамыша (Восточная Украина)	25
<i>Ивашов М.В., Гак Е.И.</i> Микрорегион катакомбных памятников у с. Ксизово на Верхнем Дону.....	27
<i>Ильюков Л.С.</i> Следы использования колесного транспорта в погребениях курганов Нижнего Дона	29
<i>Кияшко А.В.</i> О специфике поселения позднего бронзового века Балка Лисовицкого IV на Тамани	31
<i>Клещенко А.А.</i> Некоторые локальные особенности погребальной обрядности эпохи ранней бронзы Предкавказья	33
<i>Ковалев А.А.</i> Хронология переднеазиатских и закавказских аналогий «украшениям» культур Предкавказья III тысячелетия до н.э.	36
<i>Кожедуб А.Г.</i> Ритуал вторичных погребений в обряде катакомбных культур Нижнего Дона в эпоху средней бронзы	38
<i>Конькова Л.В.</i> Эпоха раннего металла на востоке Евразии: проблема культурных взаимодействий	40
<i>Корневский С.Н.</i> Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах и круг его аналогий.....	41
<i>Кузнецов П.Ф.</i> Значение кавказского компонента в ямной культуре Волго-Уралья. Соотношение археологических и палеогенетических данных	44
<i>Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И.</i> Андроновские элементы в срубных памятниках степного Предуралья.....	48

<i>Ларенок О.П.</i> Группа погребений многоваликовой керамики из курганного могильника Бургуста I в Красносулинском районе Ростовской области.	53
<i>Мельник В.И.</i> К проблеме формирования катакомбных культур	55
<i>Мимоход Р.А.</i> О верхней дате воронежской культуры	56
<i>Мокрушин В.П., Нарожный Е.И.</i> Клад бронзовых серпов из Кабардино-Балкарии	58
<i>Моргунова Н.Л.</i> Роль связей и контактов в культурогенезе на территории лесостепи Самарского Поволжья и Приуралья в энеолите и начале РБВ.	59
<i>Муσειбли Н.А.</i> К вопросу о связях лейлатепинской и майкопской культур IV тысячелетия до н.э.	62
<i>Панасюк Н.В., Усачук А.Н.</i> Костяные кольца и трубочки маныхских катакомбных культур.....	63
<i>Поплевко Г.Н.</i> Некоторые приемы в изучении технологии изготовления древней керамики	66
<i>Пыслару И.</i> Культура Дэлакеу-Бабино и ее место среди археологических культур Карпато-Дунайского региона и Северной Понтики.....	68
<i>Резепкин А.Д.</i> Дольменный могильник Шушук	70
<i>Стеганцева В.Я.</i> Существовала ли граница между западноманыхской и восточноманыхской катакомбными культурами?	72
<i>Трифонов В.А., Шишлина Н.И.</i> Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник Клады, Северо-Западный Кавказ)	75
<i>Трубников В.В.</i> Новый поселенческий памятник майкопской культуры Неберджай-1 в Крымском районе Краснодарского края	77
<i>Черленок Е.А., Осташинский С.М.</i> О дате начала бронзового века на Северо-Западном Кавказе (по материалам навеса Мешоко, раскопки 2011–2017 гг.).	78
<i>Черниенко Ю.А.</i> Мастерская Бэлэнешть и связи с традиций металлопроизводства культур бронзового века.....	79
<i>Чечина А.Ю.</i> Особенности формирования подкурганного пространства в период средней бронзы на территории Правобережья Нижнего Дона.	81
<i>Шишлина Н.И., Лобода А.Ю., Хвостиков В.А., Колчина А.С.</i> Ювелирные традиции эпохи поздней бронзы: трасологический и масс-спектрометрический анализ химического состава серебряных и золотых изделий Бородинского клада	83
<i>Яровой Е.В.</i> Ямная и катакомбная культуры в Северо-Западном Причерноморье: смена или сосуществование?	84
Список авторов.....	87

Л.И. Авилова (Москва)

**БРОНЗОВЫЕ ТОПОРЫ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ
ТЕЛЛЬ ЮНАЦИТЕ И ПРОБЛЕМА
ОТДАЛЕННЫХ КОНТАКТОВ
В БАЛКАНО-АНАТОЛИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Материалы многослойного поселения Телль Юнаците важны для археологии Болгарии и шире – культурно-исторических связей в Балкано-Анатолийском регионе. После публикации коллекции металлических находок из Юнаците (Авилова, Мишина, 2014) возникли основания вернуться к этой теме в применении к двум бронзовым втульчатым топорам.

1. Топор-молот 13/3758 из горизонта VI типа Т-18 по Е.Н. Черных (Черных, 1978) датируется РБВ III во Фракии или Раннеэлладским II–III (втор. пол. III тыс. до н.э.). Абсолютная датировка горизонта VI 2860–2360 до н.э.

Удалось найти территориально близкую аналогию топору в Северной Греции – клад Петралона (Maran, 2001) первой пол. III тыс. до н.э., что согласуется с радиоуглеродной датировкой горизонта VI.

2. Топор-молот 253 из горизонта II с восьмигранным обухом и рельефным обрамлением втулки. Топоров такого типа нет в классической работе Е.Н. Черных 1978 г. Очевидно, он не характерен для территории Болгарии. Горизонт II – один из позднейших в слоях РБВ III. ¹⁴C дат из него нет, но даты из предшествующего горизонта III дают *terminus post quem* для находки – последняя треть III тыс. до н.э. (2290–2040 до н.э.).

Датированные аналогии топору есть в могильниках Западной и Центральной Анатолии. Это некрополь конца РБВ II – начала РБВ III Бакла Тепе в Западной Анатолии, где найден топор с восьмигранным обухом и плоским фланцем вокруг проушины (Keskin, 2004). В могильнике Йортан, также в Западной Анатолии (конец РБВ II – начало РБВ III) имеется топор-молот с шестигранным обухом того же типа (Kâmil, 1982).

Из могильника Ресулоглу в Центральной Анатолии происходит серия бронзовых боевых топоров, в том числе обломанный топор-молот с восьмигранным обухом и рельефным валиком вокруг втулки (Yildirim, 2011). В могильнике найден также обломок топора кавказского облика, близкий типу Сачхере.

3. Аналогии топору из горизонта II Юнаците происходят из Западной, Северо-западной и Центральной Анатолии. Втульчатые топоры как категория оружия характерны для элитарных могильников Центральной Анатолии (Ресулоглу, Хорозтепе, Аладжахюк). Все перечисленные памятники относятся к концу РБВ II – началу РБВ III, или 2300–2000 до н.э., что соответствует датировке топора-молота 253 из горизонта II Юнаците, основанной на ^{14}C хронологии предшествующего горизонта III.

Представленные аналогии топорам из Телля Юнаците подтверждают существование историко-культурных и производственных связей между Западной Фракией, Северной Грецией, Западной и далее Центральной Анатолией в рамках периода РБВ III. Этот регион выступает как перекресток дальних культурных контактов – от Балкан на западе до Кавказа на востоке.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И., Мишина Т.Н., 2014. Металлические изделия Телля Юнаците. Эпоха ранней бронзы // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 181–191.

Черных Е.Н., 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издательство БАН. 387 с.

Kâmil T., 1982. Yortan Cemetery in the Early Bronze Age of Western Anatolia. BAR International Series 145. Oxford. 262 p.

Keskin L., 2004. M.Ö. III. Binyıl Sonuna Kadar İzmir Bölgesi Maden İşçiliği // Anadolu/Anatolia. Supplement series No. 1. Ankara. P. 141–155.

Maran J., 2001. Der Depotfund von Petralona (Nordgriechenland) und der Symbolgehalt von Waffen in der ersten Hälfte des 3. Jahrtausends v. Chr. zwischen Karpatenbecken und Ägäis / R.M. Boehmer, J. Maran (Hrsg.). Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann. Rahden/Westf. S. 275–284.

Yildirim T., 2011. Resuloğlu mezarlığında ele geçen bir grup sap delikli balta // Knowledge Production from the Black Sea to the Euphrates / Studies Presented in honour of Önder Bilgi // A. Öztan, Ş. Dönmez (eds.). Ankara: Bilgin Kültür Sanat. P. 457–470.

Ш.Н. Амиров (Москва)

КУЛЬТУРА СИОНИ ЭПОХИ ХАЛКОЛИТА В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ

1. Следы распространения культуры Сиони прослежены на Малом Кавказе и южных склонах восточной части Большого Кавказского хребта. Импорты керамики Сиони находят от Киликии и Иранского Азербайджана на юге до Дагестана и восточной части Северного Кавказа на севере.

2. Архитектурные сооружения культуры Сиони представлены преимущественно круглоплановыми полуземлянками. Керамика изготовлена методом ручной лепки. Для декора сосудов типичны налепы и гравировка, характерной особенностью является также «гребешковое» заглаживание внешней поверхности сосудов.

3. На своей «материнской» территории памятники этой культуры делятся на две группы. Ранние – на которых керамика, изготовленная на круге, неизвестна (этап Сиони), – и поздние, где она была отмечена (этап Сиони-Цопи).

4. В качестве импорта керамика культуры Сиони была зафиксирована на ряде халколитических поселений V–IV тыс. до н.э. На относительно позднем этапе своего развития она встречается в контексте многих поселений лейлатепинской культуры. Особенно интересен факт наличия в культурных слоях некоторых из этих поселений (например, Галаери), импортов керамики Сиони и появления здесь же, на позднем этапе жизни, куро-аракской посуды.

5. Время формирования и раннего бытования культуры Сиони приходится на значительный отрезок времени в пределах V тыс. до н.э., когда климат субтропической зоны Евразии был значительно более аридным, чем в предшествующее и последующее время. В результате иссушения климата носители распространенной в предгорно-степной зоне Восточного Закавказья раннеземледельческой культуры Шомутепе-Шулавери были вынуждены изменить систему расселения и хозяйственный уклад в пользу отгонного скотоводства яйлажного типа. При этом культура Сиони сохраняет ряд отдельных важных признаков материальной культуры предшествующего времени.

6. Время позднего периода бытования культуры Сиони приходится на гумидный цикл IV тыс. до н.э., в течение которого в степной части Восточного Закавказья распространяется лейлатепинская культура северомесопотамского облика. Большое количество керамики Сиони на многих поселениях этой культуры документирует хозяйственный симбиоз скотоводов – носителей культуры Сиони и земледельцев – носителей лейлатепинской культуры.

7. Культура Сиони завершает свое существование в течение третьей четверти IV тыс. до н.э. В данном случае можно говорить о культурной му-

тации в ответ на благоприятные изменения климата, приведшие к увеличению благосостояния общин носителей этой культуры. Культуре Сиони наследует куро-аракская общность. Эти культуры объединяет как исходная территория их распространения, так и ряд сквозных признаков материальной культуры, от домостроения до основных консервативных принципов в изготовлении керамических сосудов.

8. Многослойные памятники, отражающие финальный период развития культуры Лейлатепе, документируют постепенное замещение импортов Сиони куро-аракской керамикой. После прекращения существования лейлатепинской культуры степная зона Восточного Закавказья была освоена, с одной стороны, носителями автохтонной куро-аракской культуры, а с другой стороны – мигрантами, носителями ранней курганной культуры.

М.В. Андреева (Москва)

ЕРГЕНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК МАНЫЧСКОЙ (ПРЕДКАВКАЗСКОЙ) КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В 80-ые годы прошлого века В.П. Шилов исследовал 12 курганов Ергенинского могильника (Средние Ергени; в настоящее время – Кетченеровский район Республики Калмыкия) (Шилов, Отчеты за 1981, 1982, 1984, 1985–1986 гг.). Через 20 лет изучение памятника было продолжено М.А. Очир-Горяевой: были раскопаны еще 2 кургана и идентифицировано местоположение 9 исследованных В.П. Шиловым насыпей (Очир-Горяева, Отчеты за 2006, 2007 и 2008 гг.). Могильник протянулся полосой в направлении ССВ–ЮЮЗ, раскопанные курганы находились в рядом друг с другом. За исключением кургана 7, появившегося в сарматское время, остальные насыпи были созданы в позднекатакомбный период (ок. 2600–2300 гг. до н.э.) и содержали 39 восточноманычских погребений и кенотафов.

Главное, что отличает Ергенинский могильник от других памятников восточноманычской культуры, – это то, что все раскопанные курганы не содержали погребений более раннего времени. Это в целом не характерно для «восточноманычцев», предпочитавших впускать свои комплексы в уже существовавшие начиная со времени энеолита–ранней бронзы насыпи, нередко дополняя надмогильное сооружение досыпкой. Однако в Ергенинском мы имеем дело именно с монокультурным памятником как самостоятельной взаимосвязанной системой, в отличие от прочих курганных могильников Восточного Предкавказья, где пласт восточноманычских комплексов оказывается вписан

в уже существовавшие архитектурные реалии. Это дает основание видеть в Ергенинском могильнике исключительный по информационной насыщенности источник для реконструкции культовой практики, а через нее и социальных (прежде всего родовых, семейных, учитывая предполагаемый уровень хозяйственного и социального развития) отношений.

Вторая особенность памятника – его бросающиеся в глаза «богатство» и «престижность». Значительные размеры и конструктивная сложность насыпей и могильных сооружений, присутствие в насыпях так называемых жертвенников из костей большого числа особей крупного рогатого скота, а также представленность в комплексах всех известных для восточноманьчской культуры предметов, включая раритетные орудия/оружие из бронзы и камня, позволяют считать Ергенинский элитным могильником. Об этом же говорят концентрированно представленные здесь образцы изделий из органических материалов – деревянные повозки и посуда, циновки, ткани и вязаные изделия (оформление камеры, покровы и детали костюма погребенных), войлочные и кожаные подстилки и футляры: все это также следует относить к предметам роскоши, значительно реже встреченным и зафиксированным в других памятниках.

Особым, заслуживающим специального внимания на фоне других комплексов восточноманьчского облика, следует признать самый большой из раскопанных в Ергенинском курган 11 (диаметр 80 м, высота 5,3 м), который имел сложно структурированную насыпь и был возведен над единственным (основным) погребением женщины, совершенным в обширной катакомбе и включавшим большое количество предметов, в том числе престижных. Из курганов, содержащих несколько восточноманьчских погребений, сопровождаемых досыпками насыпи, конструктивными особенностями выделяется курган 6, центральное погребение которого, по наблюдениям В.П. Шилова, не было основным: первоначальная насыпь появилась над погребением 2 к ЮВ от центра, позже она была перекрыта при появлении центрального погребения 3, а полностью строительство кургана было завершено после совершения погребения 5 к СВ от центра.

Традиции погребения социальной элиты – создания больших монокультурных курганных могильников, спорадического возведения больших многослойных курганных насыпей над единственным погребением и «вторичного центрирования» насыпи с включением более ранних комплексов в ее полы – восходят к эпохе становления курганного обряда, представлены в эпоху ранней и начала средней бронзы, проявлены, как свидетельствуют данные Ергенинского могильника, в позднекатакомбное время и практически исчезают в посткатакомбное.

В.И. Балабина, Т.Н. Мишина (Москва)

ХАРАКТЕР ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ (финал энеолита)

В результате работ Болгаро-российской экспедиции в 1986–1998 гг. на поселении финального энеолита многослойного телля Юнаците (болгарская Фракия) был выявлен так называемый горизонт со скелетами: по всей раскопанной площади поселка (более 1/3 от общей площади поселения) отмечены следы пожара, 11 обгоревших и рухнувших домов, под развалинами которыми находились тела людей в неестественных позах. Скелеты людей, преимущественно обгоревшие, встречены в большинстве построек. Антропологи фиксировали у некоторых из них специфические черепные и скелетные травмы со следами оружия ближнего боя (Бужилова 2005; Цойнер 2011; Zäuner 2011). Всего под руинами зафиксировано 47 скелетов разной сохранности. Количество погибших в постройках не одинаково. Под завалами домов по южному и восточному краям поселка, на его более низкой и пологой части, обнаружено от 1 до 6 скелетов. В постройках центральной и северной части их было несколько больше: 11 в постройке № 3, 7 в постройке № 4, 8 в постройке № 12. Вероятно, нападавшие вошли в поселок с южной стороны. Жители из ближайших домов пытались скрыться в его противоположной части. Очевидно, что нападение на поселок было внезапным и очень жестоким, большая часть жителей погибла.

С момента первых публикаций археологи пытались связывать гибель поселения на телле с войнами и степными инвазиями кочевников раннебронзового века на Балканах (Merpert, 1995; Мацанова, 2000; Бояджиев Я., 2014). Отметим, что уже достаточно давно по данным радиоуглеродного датирования обоснован хронологический разрыв, от 800 до 1000 лет между завершением энеолита и началом бронзового века во Фракии и северо-восточной Болгарии (Чичагова и др. 2007; Николов, Петрова, 2012).

В последнее время степную инвазию на северо-востоке Болгарии относят к энеолиту, 4200–4100 гг. ВС, опираясь на данные о военных конфликтах со степными культурами в приграничных районах синхронной Кукутени-Триполья В1. Но это справедливо лишь для территории северо-восточной Болгарии. На телле Русе в соответствующем пласте в нескольких горизонтах зафиксированы остатки земляной фортификации, было найдено много оружия, присутствовали и скелеты с характерными травмами (Бояджиев К., 2016). К сожалению раскопки конца 40-х начала 50-х годов оставляют много вопросов.

Для Фракии характерна высокая плотность поселений в халколите (Тодорова, 1986), и в случае внешнего вторжения столкновения на поселениях должны были маркировать путь продвижения противника. Однако разгром поселка на Юнаците по-прежнему остается в регионе единственным археологически зафиксированным.

В последнем энеолитическом поселке телля Юнаците другие археологические признаки, указывающие на военные столкновения, как то: оружие, фортификация, – не отмечены. Остатки стены, выявленные Болгаро-греческой экспедицией, не убедительны (Бояджиев Я., 2014). Особо подчеркнем, что в «горизонте со скелетами» совершенно отсутствуют следы материальной культуры нападавших. Возможно, их трудно выделить среди подобных на самом Юнаците. Скорее разгромленный поселок на телле является результатом вражды соседей, это внутренний конфликт, а не результат нападения извне.

Е.И. Гак (Москва)

МЕТАЛЛ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА К СРЕДНЕМУ БРОНЗОВОМУ ВЕКУ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ И НА ЮГО- ВОСТОКЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Средний бронзовый век (СБВ) на юге Восточной Европы знаменует собой появление и распространение катакомбной погребальной обрядности. Предкатакомбный период маркируют погребения северокавказской культуры I этапа (Клещенко, 2011), новотиторской (НТ) культуры конца I – II этапов (Гей, 2000) и ямной (Я) культуры I позднеямного – катакомбного этапа (Кияшко, 1999). Памятники с металлическим инвентарем этого, по сути переходного, времени к СБВ концентрируются на западе Предкавказья, Нижнем Дону и Маныче, единичные зафиксированы на юге Ергеней, в бассейнах Егорлыка и Сала.

1. Металл переходного к СБВ периода представлен несколькими категориями вещей. Клиновые орудия (22 экз. в 21 погр.) включают пять типов: 1 – нож-бритва с плавными контурами абриса, параллельными краями и округленным завершением клинка; 2 – листовидные ножи с подостренным или закругленным на конце клинком; 3 – ножи с резким перегибом плечиков, придающим клинку подтреугольные очертания; 4 – нож-кинжал с прямыми плечиками и удлиненно-треугольной формой клинка, снабженного продольной нервюрой; 5 – ножи с ассиметрично искривленным клинком. Подавляющее число форм получает распространение с начала СБВ. К новациям

относятся типы 3, 4, которые в Предкавказье и соседних степных районах не имеют свидетельств предшествующего бытования. Типы 2, 5 оформляются, скорее всего, в конце РБВ. Тип 1 и отдельные образцы типа 2 несут отпечаток майкопско-новосвободненских (МН) традиций.

В серии стержней (25 экз. в 22 погр.) выделяются четырехгранные шилья без упора (тип 1), с утолщением-упором (тип 2), с уступчатым упором (тип 3), не являющиеся культурно и/или хронологически диагностичными. Функционально отличаются два предмета из НТ погребений: зубильце с плоским, клиновидным в сечении концом, близкое МН «долотцам» (Кореневский, 2011), и наконечник стрела стреловидного типа, имеющий аналогии в поздних Я, НТ и катакомбных памятниках начала СБВ (Гак, Калмыков, 2013).

Из двух НТ тесел одно по своим параметрам сопоставимо с МН орудиями, но имеет нехарактерное для них секировидное лезвие. Форма и пропорции второго тесла находят соответствие среди орудий начала СБВ (Рысин, 2008).

Височные кольца (21 экз. в 10 погр.) – в полтора и два оборота, мелкие, округлые в плане, с округло-овальным сечением и различным оформлением концов. В Предкавказье и севернее они распространяются с началом формирования НТ культуры. Дальнейшее развитие привело к появлению в начале СБВ массивных колец и колец многовитковой схемы (спиралей), которые постепенно вытеснили мелкие и двувитковые.

Бляхи (79 экз. в 31 погр.) являются новацией данного периода. Они круглые либо овально-прямоугольные, в сечении плоские либо слабовыпуклые. По размерам выделяются мелкие, средние и крупные изделия. Абсолютное большинство покрыто пуансонной орнаментацией – хаотичной, концентричной, радиальной. Ни разу не отмечена встречаемость всех трех мотивов и радиального узора на мелких образцах. Только для этого периода характерны мелкие бляшки с концентрическим декором. Позже они перестают использоваться, а концентричный узор уступает лидерство радиально-лучевым мотивам.

Пронизи (39 экз. в 11 погр.) свернуты из листового металла в один и более оборотов. Многие имеют простую трубчатую форму, некоторые изогнуты или расширяются на концах. Единственной является пронизь спирально-ленточного типа. Памятники данного периода иллюстрируют резкое увеличение частоты встречаемости пронизей из металла в степном Предкавказье. В отличие от МН памятников, где пронизи золотые и серебряные, и не самых ранних катакомбных эти изделия выступают как самостоятельная категория инвентаря.

Крепежи из полосового металла (15 экз. в 7 погр.) нестандартны по форме и размеру, но в целом обычны для СБВ. Свообразными можно считать только гвоздевидные заклепки.

2. Характеристику металла «переходных» памятников дополняют данные о химическом составе 26 предметов из 14 комплексов (Черных, 1966; Галибин, 1991; Гак, Калмыков, 2014). Основой металла везде является медь. У семи предметов присутствуют остатки мышьяка, остальные содержат его от 1,2 до 10%. По концентрации мышьяка взаимосвязи с типом и категорией предмета не улавливается, как не наблюдается и диапазонов преимущественных значений. В общем, металл этого времени отличен от серии МН, где кроме бинарных мышьяковых бронз массово представлены медно-мышьяково-никелевые сплавы (Рындина, Равич, 2013). По отсутствию таковых он сходен с серией начала СБВ, когда появляются прежде не использовавшиеся бронзы с высоким мышьяком (от 10%).

Почти все височные кольца сделаны из серебра. Аналогичные им предметы МН, ранних Я и НТ комплексов золотые (Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000; Кореневский, 2011). В погребениях начала СБВ серебряные кольца не составляют абсолютного большинства в соотношении с бронзовыми, причем по мере удаления на север частота встречаемости последних заметно возрастает.

3. Изделия переходного к СБВ периода получены формообразующей ковкой. Только в самых поздних его памятниках (или самых ранних начала СБВ) находятся наиболее архаичные из литых мелкие подвески, а также поздние по форме, но ранние по орнаментации булавки, сочетающиеся с радиально декорированными бляхами, бронзовым височным кольцом.

Приведенные данные отражают общие для степной зоны тенденции эволюционного характера. Суть происходивших изменений заключалась в изживании МН стандартов металлопроизводства и появлении новых, получивших развитие и широкое распространение одновременно с экспансией катакомбного погребального обряда.

А.Н. Гей (Москва)

КРЕСЛА-«ТРОНЫ» И ПОВОЗКИ В КУЛЬТУРАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО АРЕАЛА

1. В 2016 г. Усть-Лабинским отрядом Южной экспедиции ИА РАН при раскопках курганного могильника Межжирпильский I в верховьях р. Кирпили изучено неординарное погребение восточного, или кочетовского варианта новотиторовской культуры. Погребение 21 кургана 4 (диаметром 40–60 м и высотой около 1,8 м) было основным. Совершено в прямоугольной яме с кольями в углах и у середины длинных стенок, содержавшее парное захоронение двух взрослых субъектов, уложенных в вытянутом положении на

спине головами в противоположные стороны: один на запад (по определению М.В. Добровольской, мужчина 30–39 лет), другой на восток (пол не определен). Возле берцовых костей последнего найден кремневый наконечник стрелы. Перекрытие из толстых досок, уложенных поперек могилы, застелено рогожей, циновкой и, вероятно, шерстяным ковром, причем все они имели следы росписи или раскраски. Обширная (6×8 м) площадка вокруг могилы была выстелена коричневато-оранжеватым органическим тленом. На ней возле западного и восточного концов ямы установлены две повозки со снятыми с осей и уложенными по углам кузовов дисковыми колесами. Западный кузов обычного для новотиторовских и раннекатакомбных повозок типа, восточный сохранился хуже, здесь нет полной ясности, имеем ли мы дело с полным кузовом или с его имитацией из отдельных досок и брусьев. На южном краю ямы поверх рогожи помещен шест с раздвоенным концом, обычно интерпретируемый как дышло.

2. На противоположном северном краю поверх циновки установлена необычная прямоугольная в плане конструкция (размеры по верхнему уровню 82×84 см, высота не менее 60 см), накрытая сверху плотным слоем желтовато-белого органического тлена (кожа или шкура?). По форме она более всего соответствует деревянному креслу со спинкой и подлокотниками. Спинка с дугообразно выгнутым верхним краем обращена к северу и состояла из двух досок или планок шириной 15 и 25 см, помещенных на ребре горизонтально одна над другой, и третьей планки, проходившей под ними, но лежавшей плашмя. Подлокотники проходили с западной и восточной стороны, после снятия органического покрывала тут прослежены остатки сравнительно тонких деревянных планок. Такие же планки, но худшей сохранности расчищены в нескольких местах на месте сидения. Вертикальные связи или стойки не сохранились, на их наличие указывает только общая объемная форма всего изделия. Размеры конструкции по низу или на уровне настила доходили до 120×110 см.

3. Необычность находки для курганных культур ранней и средней бронзы Предкавказья и Причерноморья тем не менее вряд ли свидетельствует об ее уникальности. Поиск вероятных аналогий в погребальных комплексах ямной, новотиторовской и катакомбных культур позволяет наметить не менее десятка захоронений, при которых находились остатки подпрямоугольных конструкций меньших, чем кузова повозок размеров. Сохранность и детальность фиксации в большинстве случаев оставляют желать лучшего. Интерпретации в отчетах и публикациях самые разные: деталь кузова повозки, кузов колесницы, ложе-паланкин. Назову наиболее выразительные примеры. В парном захоронении 10 новотиторовскрй культуры из кургана 4 у хутора Пролетарский в Прикубанье

на настиле у края могильной ямы были помещены не менее 6 колес, т.е. части двух повозок, и прямоугольная решетчатая рама размером 80×85 см (раскопки А.В Шевченко; см.: Урайкин, 1993). В камере раннекатакомбного погребения 17 кургана 1 у с. Боровковка на Левобережье Днестра вместе с ложем-кузовом и четырьмя снятыми с осей колесами расчищена прямоугольная решетчатая двухуровневая (?) конструкция размером 90×100 см с подобием спинки из дугообразно изогнутых прутьев (Ковалева, 1999), на мой взгляд, явно ошибочно интерпретированная как остатки поворотного устройства.

4. Особый интерес представляет деталь кузова одной из двух повозок, сопровождавших основное новотиторовское захоронение 150 кургана 1 могильника Останний в Прикубанье, обозначенная в известной и широко растиражированной реконструкции как «место возницы» (Гей, 2000. С. 180, 181. Рис. 55). Она имела вид прямоугольной площадки размером 90×100 см с дном из параллельных прутьев, ограниченной по периметру (?) вертикальной балюстрадой, один из краев которой имел вид спинки из трех дугообразно изогнутых тонких планок. Сверху ее, как и кресло из Межкирпильского, покрывал сплошной слой желтовато-белесого тлена. Отсутствие аналогий подобному «месту возницы» на других известных повозках ранней и средней бронзы и очевидное сходство с креслами Межкирпильского и Боровковки показывает, что кресла-«троны» могли использоваться как отдельно, так и установленными на кузове транспортного средства.

5. Таким образом, наиболее достоверные, хотя пока и единичные находки кресел-«тронов», происходят из погребальных комплексов с двумя повозками и катакомбы с повозкой, в которой по мысли автора само погребальное сооружение также мыслится как еще одна повозка. Аналогии подобному обряду известны и на других территориях. Одна из них – замечательный курган Ананаури № 3 беденской культуры, раскопанный в Алазанской долине Грузии, где в погребальной камере были установлены две тяжелые четырехколесные повозки, а рядом правая сторона кресла-«трона» сложной, если не сказать вычурной формы (Махарадзе, 2018). Другая – знаменитая могила царицы Шубад/Пуаби в некрополе Ура, где обнаружены остатки двух тяжелых повозок, запряженных быками, и кресла-«трона»-паланкина, представленного на не менее известной реконструкции, сделанной скорее всего под влиянием шумерских пиктограмм, в виде кресла на загнутых полозьях.

6. Для содержательной исторической интерпретации подобных памятников важны изобразительные и письменные памятники ближневосточного региона. На печатях раннединастических, аккадского и последующих периодов представлены изображения знатных, возможно, обожествленных персонажей, восседающих на креслах различных видов, в том числе и доста-

точно простых, напоминающих новотиторовские или катакомбный образцы. В некоторых случаях они же служат сидением, установленным на четырехколесной повозке. Особый культ трона, его обожествление и персонификация отмечены у хеттов (Ардзинба, 1982 и 2015). Трон использовался в погребальном ритуале, именно на него помещались останки умершего царя. Органическая связь бога-престола, трона и колесных повозок проявляется в «архаических» хеттских погребальных (царских) ритуалах, включавших использование при похоронах двух повозок, на одной из которых доставляется к месту кремации/захоронения тело покойника, а на другой его изображение, помещавшееся на золотой престол в специальной погребальной палатке (Иванов, Гамкрелидзе, 1984. С. 726).

7. Погребение 4/21 Межкирпильского I могильника по результатам радиоуглеродного анализа достаточно точно датируется 28–29 вв. до н. э. Приблизительно к этому же времени относятся и другие рассмотренные комплексы новотиторовской и раннекатакомбной культур. Ананаурский курган № 3 также по радиоуглероду с большой степенью точности относится к первой половине 24 в. до н. э. К Раннединастическому III периоду или 25–24 вв. до н. э. принадлежат находки из некрополя Ура. Соответственно, на данный момент наиболее ранние свидетельства особых и, очевидно, престижных форм погребального обряда, подразумевающих использование двух повозок и особого сиденья-кресла-«трона», происходят из памятников степных скотоводческих культур северной части циркумпонтийского ареала. Думаю, что подобное наблюдение представляет интерес и для реконструкции социальных процессов в культурах бронзового века, и для выяснения путей проникновения групп носителей индоевропейских диалектов в анатолийско-месопотамский регион.

ЛИТЕРАТУРА

Ардзинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии (цит по: Собрание трудов. Т. I. М.; Сухум. 2015).

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: «Старый сад». 224 с.

Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. Тбилиси.

Ковалева И.Ф., 1999. О новом типе деревянных катакомбных повозок // Проблемы археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДДУ. С. 97-104.

Махарадзе З.Э., 2018. Погребения с повозками эпохи ранней бронзы Грузии // Кавказ и Месопотамская степь на заре бронзового века. Сборник в честь 90-летия Р.М. Мунчаева (в печати).

Урайкин С.В., 1993. Погребения эпохи бронзы из кургана в Степном Прикубанье. // Музейный вестник (КГИАМЗ). Вып.1. Краснодар.

А.А. Горошников (Краснодар)

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПАНАГИЯ 1 НА ТАМАНИ

В результате широкомасштабных исследований последних лет в зонах строительства на Таманском полуострове был получен выразительный материал, относящийся к эпохе поздней бронзы.

Сейчас известно около двух десятков памятников этого периода – поселения, грунтовые могильники, клады, хозяйственные сооружения и др. Наиболее изученным является поселение Балка Лисовицкого 4, в материалах которого представлен широкий диапазон культур (Кияшко, Сударев, 2018).

В 2017 году на карту памятников эпохи поздней бронзы Тамани было нанесено поселение Панагия 1, маркирующее юго-западную границу распространения культур этого времени на полуострове. Оно расположено в юго-западной части полуострова в урочище Холодная долина на возвышении, отчетливо выраженном в рельефе. Общая площадь поселения составляет около 5,8 га.

Раскоп 2018 года был заложен в южной и юго-восточной части памятника, его исследования выявили большое количество археологических объектов:

- хозяйственные ямы, которые, прорезая друг друга, часто образуют связки из нескольких ям;
- отдельные развалы лепных корчаг и горшков, скопления печины;
- остатки каменных фундаментов жилых и хозяйственных построек, в которых прослежены остатки очагов, обмазанных глиной, развалы керамических сосудов. Интересным объектом представляется печь с усеченным куполообразным сводом, примыкающая к каменной наброске.

На исследованной территории было расчищено 16 погребений, большинство из которых совершено в овальных ямах. Погребенные лежат скорчено на левом или правом боку головой на В или СВ. Сопровождающий инвентарь представлен горшками баночного типа.

Среди находок в слое и хозяйственных ямах преобладает лепная керамика, а также костяные, каменные и отдельные металлические изделия, глиняные поделки.

Самой массовой категорией керамических изделий являются горшки следующих типов:

- слабопрофилированные с прямым или слегка округленным туловом;
- с яйцевидным туловом;
- с шаровидным туловом;
- с уплощенно-шаровидным туловом.

Миски найдены двух типов:

- полусферические на плоском или слегка вогнутом дне;
- с прямыми, расширяющимися к краю стенками на плоском или слегка вогнутом дне.

Среди корчаг выделяются по форме тулова пифоидные, округло-биконические, шаровидные.

Черпаки – шаровидные с дуговидной или цилиндрической шейкой и петлевидными ручками.

Примерно треть посуды орнаментирована. Чаще всего украшены шейки, их основания, верхняя часть плеча, реже – венчик, его край, все тулово. Декор разнообразен, некоторые сосуды сочетают разные виды орнаментов:

- сосцевидные налесты;
- горизонтальные валики – гладкие или украшенные пальцевыми защипами, вдавлениями, насечкам;
- горизонтальные валики с разомкнутыми свисающими вниз концами;
- прочерченные треугольники;
- прочерченные горизонтальные бороздки;
- ряды пальцевых защипов;
- ряды ямочных вдавлений;
- композиции, выполненные веревочным или зубчатым штампом.

Большое количество керамического брака позволяет предположить наличие собственного керамического производства на территории памятника.

К категории поделок из глины относятся фигурка лошади, пряслица, обожжённые глиняные шары неясного назначения.

Каменные изделия представлены зернотерками, отбойниками, ступками, пестами, пряслицами, фрагментом топора-молота.

Среди изделий из кости преобладают проколки, «коньки», «тупики», струги, астрагалы.

Изделия из металла немногочисленны. К ним относится четырехгранное в сечении шило, фрагмент лезвия ножа, фрагмент серпа.

Уже предварительный анализ полученных материалов показал, что все основные типы керамических сосудов поселения Панагия 1 находят параллели в материалах памятников эпохи поздней бронзы Тамани. Широкомасштабные раскопки поселения Панагия 1 значительно расширят наши представления о культуре населения Таманского полуострова этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Кияшко А.В., Сударев Н.И., 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском

полуострове // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь, 2018. С. 212–218.

А.Д. Дегтярева (Тюмень), Н.В. Рындина (Москва)

ТРАДИЦИИ И МОДЕЛИ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе обобщены данные аналитического изучения цветного металла ямной культурно-исторической области Украины и Урала методами спектрального, микрорентгеноспектрального, металлографического анализа (106 предметов; анализы выполнены: МГУ им. М.В. Ломоносова, ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, ИА РАН, ИНХ СО РАН). В эпоху ранней бронзы в западной зоне ямной культурно-исторической области на территории Украины появляется новая модель организации металлопроизводства, которая фактически закрепляется до окончания среднего бронзового века и проявляется в использовании низколегированных мышьяковых бронз, кузнечных, в меньшей степени литейных, технологий изготовления инвентаря. Однако, для ранней металлообработки ямного населения Приднестровья и Донецкого региона (металл могильников Сватово, Ясски) характерно использование окисленной меди в сочетании с литейными технологиями, в единичных случаях использованияковки в режимах предплавильных температур, а также частое использование упрочнения рабочей части орудий. В технологических приемах ранней группы ямных памятников прослеживаются позднетрипольские традиции обработки металла (Рындина, 1998. С. 190–192). Металлопроизводство следующего – позднего этапа демонстрирует почти полную унификацию и стандартизацию получения орудий и украшений из низколегированной мышьяковой бронзы в процессе формообразующейковки, в меньшей степени с использованием литейных технологий в односторонних формах с последующей доработкой изделий с нагревами до 400–500°C. Украшения — бляхи, часть подвесок, а также частично ножи и бритвы дорабатывали с нагревами до 600–700°C, получая при этом качественные, без выраженных дефектов изделия. Черты своеобразия металлопроизводства у ямных групп Северного Причерноморья проявились в использовании привозной мышьяковой бронзы, серебра из западных источников, наряду с выработкой собственных традиций обработки металла, приспособленных к характеру исходного сырья. Ведущим направлением металлургических контактов ямных

племен Украины являлось западное балкано-карпатское, где сосредоточены разнообразные окисленные, сульфидные руды, содержащие мышьяк, месторождения олова, серебра, активно разрабатывающиеся в энеолите и раннем бронзовом веке, откуда в основном и поступало сырье для металлопроизводства (Иванова, 2014. Рис. 1).

Полученные результаты, подкрепленные морфолого-типологической характеристикой инвентаря, позволили классифицировать северо-причерноморский центр металлопроизводства как металлообрабатывающий с ведущим западным балкано-карпатским направлением металлургических контактов (Черных, 1966. С. 58–65; Chernykh, 1992. Р. 85–91). Прослежены металлургические связи ямных племен Северного Причерноморья с синхронными культурами шнуровой керамики, в частности, проявляющиеся в распространении орудий ямного облика в памятниках шнуровиков и возможном поступлении из центральноевропейского ареала оловянно-мышьяковых лигатур в виде слитков.

Инвентарный комплекс восточных ямников Южного Приуралья содержит более металлоемкие орудия, в числе которых проушные топоры, клевцы, молотки, массивные ножи, кирки, наконечники копий (Моргунова, 2014). Присутствие крупных орудий в волго-уральских могильниках объясняется наличием богатой сырьевой базы каргалинских рудников, по соседству с которыми расположены могильники ямных племен, а иногда они зафиксированы и на территории самого рудного поля. В отличие от украинских ямников, приуральские мастера использовали для получения орудий и украшений преимущественно чистую окисленную медь. Мышьяковая бронза употреблялась значительно реже. Одной из наиболее значимых особенностей приуральского металлопроизводства было частое использование метеоритного железа для изготовления орудий труда и украшений. Приуральские ямники широко использовали литье в открытые и составные закрытые формы. Крупные орудия получали только литьем в формах с доработкой ковкой при средних степенях обжатия металла порядка 50–60 %. Кузнечная доработка орудий осуществлялась в режиме температур 600–800°C или в режиме предплавильных температур 900–1000°C. Сходство технологических вариантов изготовления изделий, наряду с морфологическим обликом некоторых категорий металлических предметов, свидетельствуют в пользу импульса из западных балкано-карпатских очагов металлообработки (позднетрипольских?), по крайней мере, на раннем этапе развития ямной культуры, связанных возможно с процессами миграции кланов металлургов (Дегтярева, 2010, С. 58–60).

Таким образом, западный и восточный ямные очаги металлопроизводства отличаются выраженным своеобразием в технологии производства, что

объяснимо с точки зрения наличия доступной местным племенам рудной базы, сохранения традиционных технологий, адаптированных к сырьевым источникам (уральские ямники, отчасти приднестровские) или же перехода к инновационной модели получения бронзовых изделий, получившей распространение в широкой зоне от Балкано-Карпат до Поволжья и Калмыкии. В то же время различные очаги металлопроизводства ямной культурно-исторической области демонстрируют наличие общих черт, проявившиеся в распространении однотипного инвентаря (тесла, ножи, долота, бляхи, спиральные пронизки).

ЛИТЕРАТУРА

Дегтярева А.Д., 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 162 с.

Иванова С.В., 2014. Балкано-карпатский вариант ямной культурно-исторической области. РА. № 2. С. 5–20.

Моргунова Н.Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-т. 348 с.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, 132. 144 с.

Chernykh E.N., 1992. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: University press. 335 p.

**А.С. Желудков (Липецк),
Р.В. Смольянинов (Липецк),
А.А. Куличков (Грязи)**

ФАТЬЯНОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Традиционно считается, что территория лесостепного Подонья не входит в зону распространения фатьяновско-балановских древностей эпохи бронзы. Отмечались лишь следы незначительного, эпизодического присутствия, но накопление данных, новые исследования заставляют нас говорить о более широком распространении носителей фатьяновско-балановских древностей на исследуемой территории.

Нами предпринята попытка картографирования материалов фатьяновско-балановского облика на территории лесостепного Подонья. Географически рамки исследования определяются границами Донской лесостепи: на севере – верховьями Дона, на юге – устьями рек Богучарка и Толучеевка. Западная граница проводится нами условно по истокам правых притоков р. Дон, исключая бассейн Северского Донца, а восточная – по верховьям левых, до рек Савала и Хопер.

Анализируются только керамические коллекции, полученные из поселений, курганов и грунтовых могильников этого региона, происходящие из раскопок разных лет. Всего были учтены материалы 17 поселенческих и 6 погребальных памятников. К фатьяновско-балановскому типу нами отнесена керамика нетипичная для этой территории. Как правило, она тонкостенна, хорошо заглажена и даже подлощена. Для ее наименования используются оба термина: фатьяновская и фатьяновско-балановская.

Стоит отметить, что основная масса керамического материала происходит с нестратифицированных поселений со слабонасыщенным культурным слоем и часто залегает совместно с материалами среднедонской катакомбной культуры. Схожая ситуация наблюдается и на погребальных памятниках.

Кроме того, был проведен технико-технологический анализ доступных коллекций. Это позволило нам взглянуть на имеющиеся материалы комплексно и оценить их принадлежность к фатьяновской керамике, не только руководствуясь внешними признаками, но и с точки зрения технологии ее производства. Для выявления сходства и различия гончарных традиций также были исследованы сосуды иванобугорской, воронежской и катакомбной культур. На основе этого сравнения на некоторых памятниках правого берега реки Воронеж мы смогли выделить гибридные материалы, обладающие признаками как катакомбной, так и фатьяновской керамики. На наш взгляд, эти материалы существуют в поздне- и посткатакомбное время.

М.П. Завершинская (Ростов-на-Дону)

3D РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЛИЩА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДОНА)

В настоящей работе мы представили вариант 3D реконструкции одного из типов построек, известных на территории правобережья Нижнего Дона в поху поздней бронзы. Это полуземляночное жилище с каменными стена-

ми. Подобные сооружения зафиксированы на таких поселениях, как Ливенцовка I (Братченко, 1969. С. 210–230), Мокро-Чалтырское (Ларенок В.А., 2000. С. 26–28), Вареновка III (Потапов, 2000. С. 23–26), Почтовое (Цыбрий, Ларенок П.А., 2007, С. 50–55), Хавалы-I (Ларенок П.А., 2009) и др.

Прототипом для нашей реконструкции послужило сооружение 2 из раскопок поселения Почтовое в 2007 г. Так же мы использовали модель котлована жилища из раскопок на поселении Красный Крым¹, полученную методом фотограмметрии. Из-за крайне неудовлетворительной сохранности котлована сооружения эта модель не могла быть основой для реконструкции и в нашей работе сыграла вспомогательную роль.

На основе полевых чертежей в векторном формате был подготовлен план будущей модели в масштабе 1:1. Затем в 3D редакторе на его основе была выполнена модель жилища (рисунок).

Жилище эпохи поздней бронзы, реконструкция (по материалам поселений Правобережья Нижнего Дона)

Приведем описание конструкции. Котлован неглубокий, высота стенок около 0,5 м, в плане подпрямоугольный, ориентирован обычно по сторонам света. Вход в виде длинного узкого коридора, выходящего за пределы стен постройки. Заглубленная в грунт часть сооружения облицовывалась камнем. Как правило, для облицовки использовались довольно крупные плитчатые рваные камни и крупные «блоковидные» камни (ширина и длина таких камней обычно близка по размерам). Установка облицовочных камней проводилась непосредственно на пол (дно) котлована без фундамента, при этом камни чаще ставили так, чтобы их длинная сторона была ориентирована по вертикали. Местами промежутки (зазоры) между этими крупными рваными

¹ Раскопки 2018 г., держатель Открытого листа А.П. Захариков.

камнями заполнялись порядовой постелистой кладкой из более мелких камней. Такая же кладка шириною в один ряд из небольшого обломочного камня устраивалась и поверх облицовки стен (опиралась на верхнюю часть камней облицовки и частично на грунт поверхности вокруг котлована сооружения). При этом отмечено уменьшение размера камня от нижних ее рядов к верху.

Отметим, следов столбовых конструкций не прослежено. Видимо, конструкция кровли была максимально простой, и не зависела от кладки стен. Скорее всего, это был жердевый каркас типа шалаша (вероятны варианты как 2-х так и 4-х скатной конструкции). Нижние концы жердей могли опираться на грунт вокруг стен. Верхние концы образовывали либо конек кровли, либо ее пирамидальное завершение. Однако, при моделировании такой конструкции выходило, что при размере котлована $12,8 \times 6,8$ м, как в нашем случае, длина такой жерди должна быть не менее 10 м, что маловероятно. В нашей реконструкции мы предположили, что конструкция крыши опиралась на обрешетку из таких же жердей, расположенную по периметру котлована с внешней стороны стен. Можно предполагать, что для кровельного настила использовались пучки тростника. В сооружениях этого типа очаги обычно или не зафиксированы, или отмечен участок прокала пола (дна), чаще в центре постройки. Полы в таких жилищах обмазывались глиной или илом. На многих подобных сооружениях читаются следы перестроек и ремонтов. Показательными в этом плане являются жилища из поселения Мокрый Чалтырь, где по зафиксированным этапам реконструкции и перестройки жилищ выделяются три хронологических горизонта. По керамическому материалу это поселение датировано XVI–XII вв. до н.э.

Отметим, что использование камня в строительстве подобных сооружений не предполагает капитального характера постройки. Напротив, некоторые исследователи отмечают сезонный характер застройки на ряде поселений (Вареновка III, Мокро-Чалтырское поселение, Почтовое, Хавалы I). В пользу этого говорит бедность культурного слоя на вышеозначенных памятниках, а также отсутствие остатков отопительных сооружений и мусорных ям, заполненных золой.

ЛИТЕРАТУРА

Братченко С.Н., 1969. Багатошарове поселення Ливенцівка I на Дону // Археологія. Т. XXII. С. 210–230.

Ларенок В.А., 2000. Планография и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. / Отв. ред. В.Н. Горбов. Донецк: «Східний видавничий дім». С. 26–28.

Ларенок П.А., 2009 Охранные археологические исследования археологического комплекса «Хавалы 1» в Мясниковском районе Ростовской области в 2008 году. Ростов-на-Дону, 2009. Архив ДАО № 01245 от 15.09 2009.

Потапов В.В., 2000. Жилища поселения Вареновка III // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. / Отв. ред. В.Н. Горбов. Донецк: «Східний видавничий дім». С. 23–26.

Цыбрий Т.В. Ларенок П.А., 2009. Итоги исследования поселения «Почтовое» в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. // Археологические записки. Вып.6. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону. С. 50–56.

О.Н. Загородняя (Харьков, Украина)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРУДИЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ КАРТАМЫША (ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА)

В связи с исследованиями Картамышского археологического микрорайона (КАМ) в Донбассе значительно увеличилась источниковая база по металлопроизводству бережновско-маевской срубной культуры (БМСК) (Бровендер, 2012; Загородняя, 2014). Основными его составляющими являются древние рудники открытого и подземного типа, производственные участки по сортировке и обогащению руды, поселения в районе рудников. Общая исследованная площадь – 1290 м².

Коллекция артефактов из раскопок памятников КАМ (техногенного участка рудника Червонэ озеро-I, поселений Червонэ озеро-1 и 3) изучена с позиций комплексного анализа, включающего технико-морфологический, трасологический, экспериментальный методы, с использованием контекстуальных данных. Из 1091 предметов целые или фрагменты орудий и изделий составляют 926 экз. Изучение следов, связанных с добычей, обогащением руды и металлообработкой, на рабочих поверхностях орудий, а также их идентификация со следами на экспериментальных орудиях, задействованных в процессе сухого обогащения, гравитации, металлообработки, позволили выделить функциональные типы, объединяющие конкретные категории.

Металлообрабатывающие орудия и приспособления (55 экз.) составляют 7,3% от общего количества металлопроизводственного инструментария. Наиболее информативные находки – *литейные формы*. На поселении Червонэ озеро-3 выявлено 14 обломков форм и заготовок, Червонэ озеро-1 – 6. Сырьем для их изготовления служили медистый песчаник (11 экз.), тальк (5 экз.) и глина (4 экз.). С помощью трасологического анализа на поверхностях *песчанико-*

вых литейных форм удалось установить наличие трех типов микрорельефа: естественная поверхность, пикетаж и шлифованная поверхность. Все формы фрагментированы. Тем не менее, на двух фрагментах частично сохранились негативы втульчатого орудия и, возможно, ушка кельта.

Литейные формы из талька представлены обломком завершенного изделия, заготовкой, имеющей прямоугольную форму, и тремя обломками заготовок. Во всех случаях зафиксированы одинаковые приемы обработки – бруски-заготовки были получены с помощью резания с последующей пришлифовкой поверхностей. Одна форма предназначалась для отливки конусовидных стержней, с обратной стороны сохранились три негатива для отливки игл. Источником хлорит-тальковых пород на основании минералогопетрографического исследования обозначена зона Среднего Поднепровья (Нікітенко, 2011). Сырье литейных форм имеет одинаковый состав и происходит, по всей видимости, из одного проявления.

Молотки (7 экз.) изготовлены из пироксенита, метадолерита, гальки неопределенного происхождения, кварцитовидного песчаника. Они имеют одну или две рабочие поверхности на торцах. Четыре из них использовались в рукояти. *Наковальни* (5 экз.) – плитки подпрямоугольной и трапециевидной формы из песчаника. *Абразивы* (22 экз.) – плитки песчаника различной формы для заточки и подправки металлических изделий. *Скребок* (обломок стенки сосуда) могли применять как для заточки изделий из металла, так и в обработке поверхностей литейных форм.

Орудия, связанные с кузнечной операцией, имеют стандартный облик и аналогии на других памятниках срубной общности, материалы которых отражают специфику производственной деятельности. Заготовки подвергались минимальной обработке: выбиралось подходящее по параметрам сырье, а главные роли принадлежали оббивке, пикетажу и пришлифовке. На микроуровне зафиксированы различные группы следов утилизации. Металлообработка вызывает точечные микроуглубления, пришлифовку, интенсивный металлический блеск, кое-где – вкрапления окислов.

В целом, по данным функционального анализа орудий на примере памятников Картамышя осуществлена реконструкция металлопроизводства БМСК. Исследованное оснащение представляет все технологические процессы металлопроизводства от добычи руды до изготовления и обработки готовых изделий. Немногочисленность литейных форм и металлообрабатывающих инструментов относительно орудий горного дела (добычи и обогащения) (техногенный участок рудника Червонэ озеро-I – 533 экз., Червонэ озеро-1 – 84 экз., Червонэ озеро-3 – 85 экз.), с учетом колоссальных объемов добытой медной руды на рудниках, дает основание считать функционирование метал-

лургии и металлообработки на указанных поселениях в системе обеспечения внутренних потребностей их обитателей. Основная же масса руды в виде порошкообразного концентрата транспортировалась на отдаленные территории, более богатые необходимым для выплавки меди лесом в долинах рек.

ЛИТЕРАТУРА

Бровендер Ю.М., 2012 Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: матеріали III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ.

Загородня О.М., 2014. Знаряддя металовиробництва бережнівсько-маївської зрубної культури: автореф. дис. на здобуття наукового ступеню канд. іст. наук: спец. 07.00.04. археологія. Київ 15 с.

Нікітенко І.С., 2011. Про матеріал кам'яних знарядь Картамиського археологічного мікрорайону, виготовлених з привізної сировини / І.С. Нікітенко // Проблемы гірничої археології: матеріал. VIII міжнар. Картамиського польового археолог. семінару. Алчевськ: Вид-во ДонГТУ. С. 100–111.

М.В. Ивашов (Львенец), Е.И. Гак (Москва)

МИКРОРЕГИОН КАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ У с. КСИЗОВО НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Верхний Дон занимает северо-западное положение в ареале памятников катакомбной общности. Среди зон их концентрации выделяется Острая Лука – уникальный историко-географический район южнее г. Задонска, где на протяжении 12 км русло Дона меандрирует, обрамляя Задонский кряж (цепь высоких холмов с выходами скальных пород). В ходе археологических исследований, регулярно ведущихся с 1962 г., только бытовых катакомбных памятников на этом участке выявлено 17. Большинство из них (Ксизово 1-2, 6-8, 17, 19, Засновка 6) группируется на площади около 10 кв. км, тяготея к южной части Острой Луки – правому высокому берегу р. Дон и устьевой части р. Снова в районе села Ксизово. Тут же известны два одиночных кургана (Острая Лука, Засновка), которые по внешним признакам можно отнести к эпохе бронзы, и два грунтовых могильника с погребениями катакомбного времени (Ксизово 6, Ксизово 19).

В бассейне Верхнего Дона это не единственный участок компактного нахождения катакомбных памятников. Такие участки, в частности, известны

в устье рр. Матыра, Ведуга, в верховьях р. Воронеж и др. На их фоне ксизовский микрорегион выгодно отличается плотностью и топографической вариативностью расположения, видовым и хронологическим разнообразием, а, главное, уровнем изученности памятников.

Поселения у с. Ксизово размещаются на площади $3,0 \times 1,5$ км в резко различных ландшафтно-топографических условиях. Одни локализованы в пойме Дона (Ксизово 6, 7) и на первой надпойменной террасе Сновы (Ксизово 1-2, Засновка 6) высотой до 5 м над урезом воды, то есть занимают низкие участки рельефа. Другие (Ксизово 8, 17, 19) расположены на высокой донской террасе с разбросом высот от 19 до 50 м. Есть основания полагать, что разница в ландшафтной приуроченности связана с особенностями пастушеской модели скотоводства у катакомбного населения лесостепи, которое использовало поймы и низкие террасы под зимние стоянки, а высокие останцы, мысы и боровые террасы под летние стоянки (Гак, Борисов, 2017).

Раскопками из числа низкорасположенных исследовались поселения Ксизово-1 (Гак, Ивашов, Кайзер, 2017) и Ксизово 6 (Лаврушин, Спиридонова, Бессуднов, Смольянинов, 2009). Наиболее информативным, хотя и в значительной мере разрушенным руслом Сновы, является однослойное поселение Ксизово-1. На площади его раскопок (в 2017 г. – 360 кв. м) обнаружены шесть компактно вытянутых цепочкой очагов, кострище, неглубокая бытовая яма. Рядом зафиксированы свидетельства приготовления пищи (скопления битой посуды, кости животных), а также производственной и хозяйственно-бытовой деятельности, которые говорят о рыболовстве (позвонки рыб, фрагмент глиняного груза), металлообработке (фрагменты литейных форм и плавильной чаши, выплеск меди), изготовлении керамики (фрагмент костяного шпателя), выделке шкур и кожи (скребки, резцы, проколка, скобель, медное шило), заточке и подправке рабочего инвентаря (абразивные камни, линзы абразивной крошки). Хронологическое место поселения определяется по керамической посуде в рамках второй половины развитого этапа среднедонской катакомбной культуры. Три чрезвычайно близких друг другу радиоуглеродных даты указывают на третью четверть III тыс. до н.э. (Гак, Ивашов, Кайзер, 2017).

Из высокорасположенных поселений выделим поселение Замятино 10 и многокомпонентный памятник Ксизово 19. На поселении Замятино 10, где вскрыто 1325 кв. м (Тропин, 1998; Ивашов, 1999, 2000, 2001), выявлены четыре компактных группы столбовых ямок, видимо, связанных с наземными сооружениями, остатки постройки с немного углубленным в материк полом и семь локально расположенных очагов (Ивашов, 2003). С площади раскопок

происходит более 14 тысяч фрагментов от не менее чем 600 сосудов, принадлежащих разным катакомбным поселкам. На памятнике Ксизово 19 вскрыто более 2700 кв. м (раскопки А.М. Обломского; не опубликованы). Бытовые материалы катакомбного времени представлены слабо: всего несколько хозяйственных ям и около сотни фрагментов сосудов. Зато оказалась выявлена и изучена часть грунтового могильника – 18 погребений, в том числе три в катакомбных конструкциях. Для погребений характерно разнообразное положение костяков (с преобладанием левобочного) и ориентировок (с преобладанием в северный сектор). В двух случаях зафиксирована искусственная деформация черепа. Большинство погребений одиночные, лишь в двух случаях могилы содержали два, в одном – три погребенных. В пяти погребениях отмечена охра. В качестве заупокойного инвентаря присутствовали сосуды (14 шт.), жаровни (3 шт.), орудия труда из рога (мотыжка, гарпун), украшения из бронзы (височное кольцо, пронизь). Морфолого-технологические признаки сосудов позволяют синхронизировать погребения с поселением Ксизово-1.

В перспективе изучение ксизовского микрорегиона дает уникальную возможность для решения всего спектра вопросов, связанных с освоением и использованием лесостепных ландшафтов Верхнего Дона в эпоху средней бронзы.

Л.С. Ильюков (Ростов-на-Дону)

СЛЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЕСНОГО ТРАНСПОРТА В ПОГРЕБЕНИЯХ КУРГАНОВ НИЖНЕГО ДОНА

На заре раннего бронзового века мир степных скотоводческих племен оказался под сильным влиянием майкопско-новосвободненской общности. Это привело к образованию на Нижнем Дону синкретической константиновской культуры, которая являлась продуктом взаимоотношения двух различных по уровню развития культурных феноменов: местной среднестоговской культуры и пришлой, более развитой, майкопской культуры. Константиновская культура датируется 2-й четвертью IV тыс. до н.э. и относится к иноземцевско-костромскому этапу майкопской культуры (Кияшко, 1994; Резепкин, 2003).

Для преодоления степного пространства Нижнего Подонья «майкопские колонисты» использовали колесный транспорт, следы которого зафиксированы в археологических памятниках. Он позволил легко перевозить грузы на различные расстояния с территории Северного Кавказа на Нижний Дон и далее на север – в Подонцовье и в Поволжье.

В 1972 г. в курганном могильнике ТЭЦ-2, расположенном на территории г. Ростова-на-Дону, в кургане 5 открыто погребение 6, материковый выкид из которого лежал на древнем горизонте. В яме, ориентированной по сторонам света, вдоль северной стенки прослежен след гари, а вдоль южной стенки лежал скелет взрослого человека. Умерший был похоронен на правом боку в скорченном виде, головой ориентирован на В. Около его коленей находилось миниатюрное глиняное колесико с двухсторонней слабо выделенной ступицей, в которой до обжига были проткнуты два несквозных отверстия, предназначенные для шплинтов, которыми с двух сторон закрепляли ступицу на диске колеса. Диаметр колеса 7,8 см (Кияшко, 1974. Табл. XXVII, 13).

На территории Константиновского поселения обнаружена пара глиняных колесиков от игрушечных повозок. Одно из них линзовидное в сечении, до обжига в его центре проткнуто круглое отверстие, диаметр диска 2 см. Второе, с более выделенной ступицей, имеет отверстие в сечении четырехугольной формы, его диаметр 3 см (Ильюков, 1984. Рис. 2, 5, 6). Судя по диаметру, колесики принадлежали двум кузовкам. У одного из них конец оси, на который насаживалось колесо, имел четырехугольное сечение. В результате ось повозки жестко соединялась с колесом. Этот архаический тип соединения оси и колес представлен на повозках на штандарте из Ура.

В 1983 г. в курганном могильнике Колдыри, расположенном на левобережье р. Маныч, Е.И. Беспалый исследовал курган 14, в котором основным являлось погребение 7, совершенное в широкой яме, ориентированной длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Вдоль ее стен были устроены заплечики, ниже которых была вырыта прямоугольная яма. По ее углам на заплечиках лежали четыре массивные деревянные колеса с двусторонними ступицами. На дне могилы находились останки мужчины 40–50 лет, похороненного на левом боку скорченно, головой ориентированного на СВ. Под черепом найдено золотое колечко диаметром 1,5 см. Перед грудью – крупный пест из гальки, а в норе грызуна обнаружены две пластинки из слюды. По-видимому, это захоронение представителя социальной верхушки общества, его символом являлось золотое колечко в 1,5 оборота. Подобное золотое колечко обнаружено еще в одном могильнике на Нижнем Дону у хут. Верхне-Подпольного. Два миниатюрных колечка из серебра найдены в культурном слое Константиновского поселения. Аналогичные находки известны в памятниках Северного Кавказа.

В качестве тягловой силы для перемещения деревянных повозок использовался крупный рогатый скот. Судя по находкам на Северном Кавказе, в запряжке повозки находилась пара быков. Каждому из них в нос вставляли бронзовое кольцо, для которого пробивалось отверстие в носовом хря-

ще. Через отверстие продевали длинный конец бронзового прута, который в средней части сгибался в округлое кольцо, а место сгиба связывали кожаным ремешком. К полученному кольцевидному узлу, крепился конец повода. Такие принадлежности для управления быками хорошо известны на Северном Кавказе (Кореневский, 2011. Рис. 83). По-видимому, в донских степях вместо бронзовых использовались кожаные или веревочные кольца.

На восточных печатях иногда персонаж (бог) в руке держит кольцо, у которого в противоположные стороны выступают два прямых «усика». Это кольцо с разогнутыми концами – символ упряжи быка. Колесный транспорт совершил переворот в способах передвижения на заре бронзового века (Чайлд, 1948).

А.В. Кияшко (Ростов-на-Дону)

О СПЕЦИФИКЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА БАЛКА ЛИСОВИЦКОГО IV НА ТАМАНИ

Первая обобщающая работа по бронзовому веку Тамани появилась недавно. В ней рассматривались по преимуществу курганные материалы (Гей, Паромов, 2005). Новый этап изучения начался в 2015 году. За три года было обнаружено и в той или иной степени исследовано около двух десятков поселений и грунтовых могильников в основном позднего бронзового века.

Эти памятники обращают на себя внимание ярко выраженной культурной спецификой. Своего рода эталоном среди них можно считать поселение Балка Лисовицкого IV, которое объединяет и демонстрирует характерные признаки всей группы памятников. Это поселение с регулярной застройкой разнотипными жилыми и хозяйственными объектами на каменных цоколях. Земледельческая составляющая хозяйства обитателей поселения практически не вызывает сомнений ввиду наличия большого количества зернотерок, ступок и пестов, кремневых вкладышей серпов, дифференцированного состава керамики с наличием пифосовидных сосудов с валиковым орнаментом, ковшей, глиняных сковород с прямым бортиком и т.д. Статистический анализ костей домашних животных показал значительную долю в составе стада крупного рогатого скота, при наличии также лошадей и овец.

В числе других находок встречены глиняные статуэтки животных, миниатюрные модели колес, разнообразные костяные орудия (лощила, проколки и т.д.).

Все перечисленные признаки: каменное домостроительство, земледелие, зооморфная пластика, особая керамика нашли параллели не в соседних степях Прикубанья в ареале срубной культуры (Сорокина, 1987), а за Кер-

ченским проливом, в Крыму (Лесков, 1970) и далее в Северном Причерноморье, в бассейне Днепра, Днестра и Буга (Шарафутдинова, 1982) на территории сабатиновской и белозерской культур.

Кроме того, на поселении Балка Лисовицкого IV обнаружен достаточно большой набор бронзовых изделий и их фрагментов: тесло, нож, крюк от серпа, две булавки, фрагмент подвески и 11 шильев. Бронзовое тесло и нож – лобойковско-голоуровских типов датируются раннесабатиновским периодом (Бочкарев, 2017. С. 172). Булавка со свернутой головкой (т.н. Rollennadel) имеет широкое распространение и датировку, на территории Восточной Европы она известна в культурах ноуа, сабатиновская, комаровская, тшинецкая и др. Булавка с крупным кольцевидным навершием и деталь подвески т.н. солонецкого типа относятся к позднему этапу сабатиновской культуры (Бочкарев, 2017. С.172–173).

В культурном слое поселения также обнаружен небольшой клад бронзовых изделий: три серпа и фрагмент топора. Серпы относятся к северокавказской (кубанской) серии, по форме они наиболее схожи с распространенными на Верхней Кубани и далее на восток серпами типа Бамут, вариант Бамут 1 (Дергачев, Бочкарев, 2002, С. 166–170). Орудия представляют раннюю стадию развития данного типа, близки (и территориально и по морфологии) к отдельным серпам из клада у Батарейки, серпу из клада у Курчанского (северная часть Тамани) (Паромов, Гей, 2005. С. 333).

Обломок бронзового изделия, найденный вместе с серпами, видимо, представляет собой бракованную заготовку вислообушного топора. Эта находка соответствует достаточно раннему облику серпов, что позволяет датировать весь клад, найденный на поселении Балка Лисовицкого IV, ориентировочно серединой II тыс. до н.э.

Анализ химического состава металла предметов клада показал значительные добавки мышьяка, т.е. он кавказского происхождения. Предметы из слоя (шилья, тесло, нож, крюк от серпа, булавки, деталь подвески солонецкого типа) содержат добавки олова и являются изделиями из металла балкано-карпатского происхождения.

Эти результаты подтверждают приход с запада, через Керченский пролив носителей сабатиновских традиций на Тамань. Оттуда они принесли свои бытовые бронзовые предметы или сырье для их изготовления. Изделия из клада, кавказского происхождения, имеющие к тому же следы производственного брака, скорее всего предполагалось использовать вторично, путем переплавки. Таким образом, найденный клад по составу и состоянию предметов был так называемым сырьевым кладом, аналогично найденному ранее у поселка Батарейка.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В.С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.

Лесков А.М., 1970. Кировское поселение // *Древности Восточного Крыма (пред-скифский период и скифы)*. Киев.

Паромов Я.М., Гей А.Н., 2005. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // *Древности Боспора*. Вып. 8. М.

Сорокина И.А., 1987. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья: по данным погребального обряда. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.

А.А. Клещенко (Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В современной историографии есть несколько опытов обобщающего анализа погребальных памятников эпохи ранней бронзы Предкавказья (Мунчаев, 1975. С. 211–335, Корневский, 2004. С. 78–82; Резепкин, 2012. С. 55–57), в рамках которых рассматривались от 100 до 250 захоронений. В одной из недавних работ сообщается о пополнении этой серии до «более 300» захоронений (Корневский, 2015. С. 23).

В то же время, в последние годы фонд источников неуклонно пополняется и, насколько можно судить по литературе и архивным материалам, в настоящее время на основной территории Предкавказья представлен более чем 150 памятниками, включающими более 330 исследованных курганов и грунтовых некрополей, содержавших, в свою очередь, не менее 710 достоверных захоронений эпохи ранней бронзы, не считая так называемых спорных погребений и непогребальных комплексов.

Распределение их по районам Предкавказья далеко не одинаково. Наибольшая концентрация исследованных погребальных комплексов приходится на Центральное и Восточное Закубанье (30% погребений от общей серии) и левые притоки р. Терек (20%). Наименее же изученными являются верховья Кубани и Терека, а также Кавминводы (по 3–4%).

Из 710 погребений в 405 (в 57%) были прослежены детали конструкций. Число же захоронений с установленной позой составляет 443 случая (62%). Соотношение основных характеристик погребальных конструкций и позы погребенных – как в целом по Предкавказью, так и по его отдельным районам – отражены в следующей таблице.

Таблица. Соотношение основных характеристик погребальных конструкций и позы погребенных

Характеристики погребальной обрядности / Регион		Прикубанье	Ставрополье и Кумо-Маныч	Западное Закубанье	Центр. и вост. Закубанье	Верхняя Кубань	Кавминводы	Баксан, Чегем, Нальчик и Черек	Верхний и средний Терек	Долина Сунжа	В целом
Ямы	прямоугольные	69	63	91	95	90	56	66	100	92	80
	овальные	31	37	9	5	10	44	34	-	8	20
	длина 0,5–1,9 м	81	71	48	58	21	38	46	22	19	49
	длина 2–3,2 м	8	26	30	34	21	31	32	33	32	2
	длина > 3,3 м	11	3	22	8	58	31	22	50	49	22
Позы	правый бок	44	30	75	79	33	78	88	30	88	69
	левый бок	51	43	10	18	50	22	10	60	12	24
	иное	5	27	15	3	17	-	2	10	-	7
Ориентировки	В	31	34	12	5	33	20	7	39	14	17
	ЮВ	11	3	29	37	17	5	7	12	18	20
	Ю	26	29	22	36	33	20	45	25	29	31
	ЮЗ	12	3	12	12	-	25	22	12	7	14
	З	10	14	9	3	17	15	15	-	18	9
	СЗ	4	-	4	3	-	5	2	-	-	3
	С	2	3	6	1	-	10	1	-	11	3
	СВ	4	14	6	3	-	-	1	12	3	3

Примечание: все данные приводятся в %.

Как видно из полученных данных, доминирующей формой погребального сооружения (если не учитывать такие девиантные формы, как мегалитические гробницы, подбои и катакомбы) является прямоугольная яма. Интересно, что соотношение этой формы с овальной в степных районах схоже с данными по районам Кавминвод и левых притоков р. Терек.

По размерам, безусловно, превалируют ямы небольших размеров – длиной до 1,9 м. Причем в степных районах их доля намного выше. Самые крупные же конструкции имеют наибольшее распространение на Верхней Кубани, Верхнем и Среднем Тереке и в долине р. Сунжа, на что, впрочем, обращалось внимание в литературе. Стоит отметить, что к этим же регионам тяготеют галечные вымостки на дне ям: для бассейнов Терека и Сунжи доля таких погребений варьирует от 1/3 до 1/2, в незначительной степени этот элемент встречается в Закубанье и Кавминводах, в степных же районах эта деталь погребального обряда практически отсутствует.

В целом в Предкавказье наиболее массово встречается правобочное положение погребенных (более 2/3 случаев). При этом интересной является локализация левобочных захоронений преимущественно, с одной стороны, в степной зоне (Прикубанье, Ставрополье), а с другой – в наиболее удаленных от нее районах верховьев Кубани и на Верхнем и Среднем Тереке.

Для скорченных на боку погребений адоративная поза зафиксирована в 50–55% случаев с прослеженным обрядом (в таблице этот показатель в силу субъективности выборки не отражен). Интересно, что наибольшая доля таких погребений зафиксирована, с одной стороны, в памятниках долины Сунжи, а с другой – в Закубанье, Ставрополье и Прикубанье. Причем, если в первых трех из перечисленных районов этот показатель – 60%, то в последнем он близок к 80%. На территории же Центрального Предкавказья зафиксировано всего 20–40% таких погребений. Интересно, что доля адоративных захоронений в правобочных традициях превосходит таковую в левобочных в два раза: 67 и 33% соответственно.

Не менее любопытными выглядят данные по ориентировкам головы погребенных. В целом доминирующими являются южные (Ю, ЮЗ и ЮВ) ориентировки, составляющие до 65% всех случаев. Характерны так же направления на В (17%) и З (14%). В распределении их по районам опять, как и в случае с позой, обращает на себя внимание сходство в доле погребений с восточной ориентировкой в степных районах и верховьях Кубани и Терека. Кроме того, можно отметить близость в распределении юго-восточной ориентировки в целом в Закубанье, юго-западной – в двух основных районах Центрального Предкавказья, а западной – во всех районах к востоку и северу от Верхней Кубани.

В ходе дальнейших исследований представляется перспективным анализ хронологической динамики в эволюции основных элементов обряда эпохи ранней бронзы Предкавказья с учетом других составляющих погребальной обрядности – и в первую очередь, погребального инвентаря, – на основе современной источниковой базы.

ЛИТЕРАТУРА

Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Корневский С.Н., 2015. Могильник «Клады» и дискуссия об интерпретации его материалов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар. С. 5–39.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

А.А. Ковалев (Москва)

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ И ЗАКАВКАЗСКИХ АНАЛОГИЙ «УКРАШЕНИЯМ» КУЛЬТУР ПРЕДКАВКАЗЬЯ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

1. Наиболее ранние аналогии предкавказским металлическим «украшениям» III тыс. до н.э. представлены в памятниках конца раннего – начала среднего Урука (Гавра В, около 3800–3600 гг. до н.э.; см. Rothmann, 2002). На Тепе Гавра это золотые дисковидные медальоны из могил 10 (слой VIII/IX), 25 (слой VIII/IX) и кольцевидные подвески из могилы 111 (слой X) (Speiser, 1935; Tobler, 1950; Peasnell, 2002). На Калинж Агха – золотые кольцевидные подвески из могилы в слое V (Abu Al-Soof, 1966). Формальное сходство может говорить о генетической связи северокавказских традиций с урукскими. Учитывая, что в урукских могилах были обнаружены также иные подвески из золотого листа, разнообразные, в том числе боченовидные, бусины, составные розетки из золотой фольги, именно здесь можно искать и истоки комплекса шумерских украшений раннединастического периода.

2. К периоду РБ I (около 3000–2700 л. до н.э.; см. Steadman, 2011) относятся минимум две находки серебряных медальонов (с небольшим отверстием в центре) в могильнике на поселении Бакла Тепе в Западной Анатолии (Özkan, Erkanal, 1999). Двойной серебряный медальон и две серебряные подвески-«калачика» с несомкнутыми концами были обнаружены в погребении DG 96 X-31 на периферии поселения Тепе Гиссар в Иране (Shmidt, 1937). Современные исследования относят погребения с такими керамическими наборами к стратиграфической фазе D, то есть периоду IIВ по Шмидту (около 3400–2900 до н.э.) (Gürsan-Salzmann, 2016). К первой половине III тыс. до н.э. следует отнести находку медальона с центральным отверстием в могиле 2 (1955 г.) из Начеркезеви (Грузия) (Джапаридзе, 1961):

в этот комплекс входил вислообушный бронзовый топор типа Начеркезеви (по Кореневский, 1981); глиняная форма для отливки топора этого типа была обнаружена в слое 19 поселения Норшунтепе (Schmidt, 2002) (около 2700–2600 гг. до н.э., см. Hauptmann, 2001; Di Nocera, 2001). Судя по стратиграфии и керамическому инвентарю, к началу III тыс. до н.э. относится могила 12 на куро-аракском поселении Кватсхела (Грузия), где был обнаружен фрагмент стержня костяной булавки с вырезанными рядами треугольных фестонов (Paslumbi, 2008; Glonti et al., 2008; Jalabadze et al., 2012; см. Нечитайло, 1978; Державин, 1991; Шишлина, 2007). В могиле 2 могильника Тулепиас Цхаро, оставленном, скорее всего, населением Кватсхелы на следующем этапе, найден набор стерженьковых бронзовых подвесок с округлым и коническим завершениями (Glonti et al., 2008; Jalabadze et al., 2012). Такие же подвески обнаружены в могиле 29 могильника Арадетис Оргора (Koridze, Palumbi, 2008; Jalabadze et al., 2012). Они же входили в «ожерелье», найденное при раскопках раннего слоя крепости Гехарот (Армения) (Smith et al., 2004). Все эти комплексы относятся к позднему этапу куро-аракской культуры (около 2800–2600 гг. до н.э., см. Palumbi, 2008). К тому же времени можно отнести комплексы с такими же подвесками, связываемые уже с горизонтом Марткопи-Бедени: это клад из Хиналика (Азербайджан) (Courcier et al., 2016), комплекс из Корети (Джапаридзе, 1961). Все эти редкие находки, вероятно, являются свидетельствами наиболее раннего проникновения предкавказских традиций в чужеродный контекст.

3. Начиная с середины III тыс. до н.э. в анатолийских памятниках поздней фазы периода РБ II обнаруживается относительно большое число предметов, схожих с предкавказскими «украшениями». Это «молоточковидная» бронзовая булавка из могильника на поселении Бакла Тепе (Özkan, Erkanal, 1999), «молоточковидная» бронзовая булавка, бронзовые дисковидные медальоны, стерженьковые подвески с грибовидными окончаниями из могил на поселении Ресуоглу (Yıldırım, 2006), аналогичные стерженьковые подвески и дисковидный медальон из Балибаги (Süel, 1989) золотые стерженьковые подвески и «молоточковидная» булавка из Трои II, золотой медальон с крестовиной из Салура (Matthews, 2004), бронзовая пунсонная бляха из могилы 70 в Караташ-Семаюк (Mellink, 1964). Золотые медальоны со шнуровым орнаментом из Кюльтепе (слой 13) (Özgüç, 1986) и из «троянского клада», хранящегося в Филадельфии (Bass, 1970), аналогичны находкам из «урского клада» в Мари (время Месаннепады, около 2400 г. до н.э., см. Brich, 2013) и из некрополя Ура РДIII (2600–2350 гг. до н.э.). Шнуровой орнамент к концу периода РД III становится одним из ведущих орнаментальных мотивов ювелирного искусства Ближнего Востока, а также Закавказья (беденские, а за-

тем триалетские памятники). К аккадскому времени относятся находки на памятнике Телль Брак: пунсонные бляхи из электра, кольцевой золотой медальон, фрагмент золотого дисковидного медальона, кольцевые серебряные медальоны со шнуровым орнаментом (Oates et al., 2001). К последней трети III тыс. до н.э. относятся находки подобий молоточковидных булавок и блях с пунсонным орнаментом в могилах Аладжи, диск с пунсонным орнаментом из Киннерета, серебряный и бронзовый кольцевидные медальоны из Полиохни («Красный период») (Bernabo Brea, 1964), клад из окрестностей озера Ван с дисковидным медальоном (Schauer, 1980) и др. Широкое распространение украшений с «предкавказскими» признаками и активное внедрение шнуровой орнаментации в оформление ритуальных по своей сути предметов может быть следствием усилившегося к середине III тыс. до н.э. влияния с севера, вплоть до миграции групп предкавказского населения. Об этом же говорят и находки шлифованных топоров с рельефным ободком в Трое II (клад L) и на поселении Енибадеми (РБ II, см. Hürýllmaz, 2016).

А.Г. Кожедуб (Ростов-на-Дону)

РИТУАЛ ВТОРИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В ОБРЯДЕ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР НИЖНЕГО ДОНА В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В катакомбной культурно-исторической области среди традиций погребального обряда привлекает внимание способ захоронения, при котором скелеты умерших встречаются не в анатомическом положении, а в форме компактно уложенных костей, так называемых «пакетов». В научной литературе за таким захоронением укрепился термин «вторичное погребение».

Для катакомбных культур Нижнего Дона тема вторичных погребений наиболее актуальна. Специальных исследований здесь критически мало, а процент погребений с нарушением анатомической целостности скелета относительно велик и многообразен. Последние систематические исследования ритуала вторичного погребения были предприняты в конце XX в. В.И. Мельником на базе катакомбных погребальных комплексов манычско-го типа. Эти исследования были предприняты в основном для левобережья Дона, в то время как правобережье Нижнего Дона оставалось белым пятном в данной проблематике. На основе небольшой выборки мной было проведено изучение как левобережных погребальных комплексов катакомбной культуры, так и правобережных. В ходе исследования обнаружились довольно интересные наблюдения.

В первую очередь следует сказать, что обряд вторичного погребения, в основном считавшийся особенностью катакомбных культур манычского круга, в полной мере присущ и донецкому варианту катакомбной общности. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов показал, что наибольшее количество пакетированных погребений присутствует в раннекатакомбный период, как на левом, так и на правом берегу Дона. В то же время данный обряд присутствует и в более поздний период во всех катакомбных культурах Нижнего Подонья: западно-манычской, восточно-манычской, ростово-луганской, донецкой на раннем и развитом этапе. Налицо преемственность обряда на протяжении всей эпохи среднего бронзового века.

Погребальные комплексы представлены как одиночными, так и коллективными захоронениями, встречаемость каждого вида статистически одинакова. В коллективных погребениях мной выделены смешанные вторичные погребения, где «пакетированы» не все погребенные в камере, и полной экскарнации, где все погребенные в камере катакомбы ритуально расчленены. Из интересных наблюдений можно выделить большой процент разнополых парных погребений, где женщина пакетирована, а костяк мужчины анатомически цел.

В отношении распространенности обряда картография комплексов показывает, что вторичные погребения тяготеют к территории устья Дона. Они находятся как на правобережье, так и на левобережье Дона, в Приазовье, в бассейне донских притоков Тузлов и Кагальник. Некоторые «пакеты» правобережья Дона отличаются весьма специфическими для вторичных погребений признаками. Если большинство подобных погребений манычской культуры безинвентарны, то комплексы могильников Каменный II и Цимлянский II, отличаются своеобразным инвентарем: в первом обнаружено две курильницы, во втором ритуальная чаша на круглой ножке. По всей вероятности, эти погребения имеют особый статус.

Интерпретация данного обряда является одним из сложнейших вопросов в погребальном обряде культур эпохи бронзы. Такие теории как ритуальный каннибализм, захоронение воинов, павших в боях вдалеке от дома, вполне могут быть приняты во внимание. В то же время есть и более очевидные объяснения, например, захоронения мастеров-специалистов и колдунов, вождей и людей высокого социального статуса. Или это были сугубо индивидуальные причины, которые, например, отражали причину смерти.

Эти гипотезы могут получить аргументацию только в случае широко-масштабного исследования ритуала во всем ареале катакомбной культурно—

исторической общности. Существенным вкладом в изучение проблемы может стать, с одной стороны, привлечение данных этнографии, а с другой стороны, тщательный антропологический анализ материалов и использование иных методов естественных наук.

Л.В. Конькова (Москва)

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В изучении раннего металла одной из интересных и малоизученных проблем является выявление механизмов распространения металла из центров его получения/изготовления на периферию. Под получением металла мы понимаем его выплавку из руды, тогда как изготовление предполагает получение изделий из готового металла.

В ходе развития технологии получения металла разрыв между его источниками и центрами обработки постепенно увеличивается. Получение меди – наиболее раннего рабочего металла – зависит от наличия ее месторождений. Меднорудные месторождения распространены в Евразии неравномерно, что связано с их приуроченностью к горным районам на стыках тектонических плит. Количество месторождений меди, доступных с начала знакомства человека с металлом, в том числе с самородным, ограничено.

Первоначально осваивались территории предгорных районов Ближнего Востока (с VIII-VII тыс. до н.э.), Кавказа и Балкан (с V тыс. до н.э.), позднее Урала и Саяно-Алтая (с III тыс. до н.э.). Изготовление металлических изделий в Центральной Азии фиксируется с III тыс. до н.э. Далее на восток металлические вещи проникают в конце II – начале I тыс. до н.э. Находки фиксируются в Забайкалье, Приморье, Якутии, Манчжурии, Корее. Эти территории входят в восточную оконечность Евразийского степного коридора, который связывал Дунайские и Причерноморские степи со степными районами Дальнего Востока вплоть до Тихого океана.

Территории Саяно-Алтая, Монголии и Забайкалья очень богаты месторождениями металлов. Далее к востоку имеются еще более богатые металлами районы, которые входят в Тихоокеанский металлогенический пояс, который протянулся от Чукотки и Аляски до Австралии. Интересно, что в этих восточных районах особенно много коренного и рассыпного золота, оно до настоящего времени есть в большинстве рек. Однако в древности местное население не использовало этот металл. Руды других металлов, в частности, меди, были сложны для добычи, поскольку представлены в значительной

степени сульфидными соединениями, включенными к кварцевые породы. Уровень технологии древнего населения этих территорий не позволял использовать эти ресурсы.

На рубеже II–I тыс. до н.э. на восточной оконечности Евразийского континента кроме находок отдельных металлических предметов (коллекция из поселения Синий Гай и др.) имеются многочисленные (более 100 экз.) каменные имитации металлического оружия (в основном копий и кинжалов), изготовленные из местного сланца, совпадающего по цвету с окисленной бронзой. Морфологически выделяются три хронологические группы: предметы сеймо-турбинского облика (листовидные копья), вещи карасукского облика (кинжалы, бляшки), а также кинжалы тагарского типа. Очевидно, что контакты были длительными. Значительная часть вещей – случайные находки без археологического контекста. Незначительная часть предметов найдена на поселениях.

До настоящего времени нет однозначной интерпретации этого явления. Возможно, мы имеем дело с результатами культурных контактов сообществ разного уровня развития. Группы, пришедшие по Евразийскому степному коридору на восток, принесли с собой готовые металлические вещи. Свинцово-изотопный анализ металла из Синего Гая показал, что он происходит из Саяно-Алтая, а не Дальнего Востока. Местное население воспроизводило внешний облик металлических изделий из камня, прежде всего оружия. Качество копирования разное – от очень точных имитаций, неотличимых от металлических прототипов, до условных реплик. Это может указывать на различную степень близости контактов и значительную разницу в культурном развитии местного и пришлого населения (вплоть до непонимания специфики металла как материала).

Таким образом, длительное взаимодействие групп населения, пришедших на Дальний Восток с запада и обладавших металлом, с местным населением не привело к кардинальным изменениям в технологическом развитии дальневосточных племен, несмотря на наличие богатых рудных ресурсов.

С.Н. Корневский (Москва)

УНИКАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА КАВМИНВОДАХ И КРУГ ЕГО АНАЛОГИЙ

В центре настоящего сообщения находится информация о редком по набору вещей и по погребальному обряду погребения 4 кургана 3 Лысогорского-6 могильника, расположенного в Георгиевском районе Ставропольского края.

Памятник был исследован по листу Т.А. Габуева в 2015 году. Активное участие в его раскопках принимал Я.Б. Березин. (Кореневский, Березин, Габуев, 2018). Курган 3 имел в высоту 7 м при диаметре 63×50 м. Погребение 4 было единственным и основным захоронением медно-бронзового века в этом памятнике. Само погребение было совершено в деревянном ящике. Поза костяка (мужчина) – вытянуто на спине, головой на З. Деревянный ящик с покойным был поставлен в обширную яму с заплечиками. Выкид материкового гравия разложили кольцом вокруг могилы. Над ямой соорудили каменный навал. В качестве жертвы на него положили две головы быков, рог оленя и лишь потом приступили к возведению очень крупной земляной насыпи.

Погребальный инвентарь включал золотую подвеску у черепа, наборные браслеты из бронзовых стерженьков и бус, а также орудия, которые были разложены на трех деревянных подносах. На подносе № 1 находись бронзовый жезл, бронзовый топор типа Начеркезеви, бронзовое тесло, листовидный кинжальчик и осколки от бронзового кубка. Под костяком находились остатки ткани. На подносе № 2 металлические предметы сохранились лишь в виде окиси. На подносе № 3 были зафиксированы три абразива из песка.

Радиоуглеродная дата погребения 2861–2581 BC (4122 ± 23 BP MAMS 29825) (Wang et al., 2018), что соответствует времени Ранних Династий на юге Месопотамии.

Погребение уникально и его можно рассматривать как захоронение выдающегося человека, совершенное по особому ритуалу. Культурная принадлежность комплекса может быть связана с Кавминводской группой северокавказской культуры.

Набор заупокойного инвентаря был определен сакральной традицией. Ее показателями является военно-трудовая символика оружия и инструментов, таких как бронзовый топор, тесло и абразивы. Подобные сочетания бронзового топора и тесла были ранее хорошо представлены в обрядах военной знати майкопско-новосвободненской общности (МНО). В эпоху постмайкопского периода в рамках III тыс. до н.э. они прослеживаются в захоронениях знати раннекурганной группы Южного Кавказа (курганы в Марткопи, Тетри Цкаро и другие), кургана в Бедени. Но тип топоров там был иной (южнокавказские типы Гатын-кале и Марткопи–Гатын-кале). Комплексы с топором типа Начеркезеви и теслом представлены лишь в Предкавказье, а также в горах центральной части Большого Кавказа. Таковы комплексы с паспортом «Андреевская долина у г. Грозного», погр. 24 могильника Загли Барзонд, погр. 30 кург. 1 могильника Арчхой Мартан (Бамут). Важно также отметить, что каменные топоры в погребениях Кавминводской группы не

встречаются с бронзовыми теслами, отражая совсем иную воинскую символику местных племен (Корневский, 2018).

Как известно, абразивы являлись сопутствующим инвентарем погребений воинов-литейщиков (например, Лебеди кург.3. погр. 10; Гей, 1986. С. 13–32), что позволяет полагать причастность властного лидера из лысогорского погребения к занятиям металлообработкой и к соответствующей его рангу символике.

Погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника содержал уникальную находку – бронзовый кубок. Он позволяет ставить этот комплекс в один ряд с погребениями высшей знати вождей и жрецов, погребенных в кургане V в Триалети и в Карашамбском кургане.

Символика жертвы двух голов быков находит аналогии в более раннем комплексе кург. 1 погр. 25 группы Марьинской-5 долинского варианта МНО (Канторович и др., 2013. С. 89. Рис. 42; С. 92) времени Джемдет Наср, и в хронологически близких лысогорскому комплексу могилах военно-жреческой знати могильника Аладжа Хуюк.

В целом символика рассматриваемого захоронения отражает преполитарную фазу развития военизированного общества племен Кавминвод, при которой престиж труда был очень важен для подчеркивания высшего ранга вождей, совместно с символикой их военного лидерства и причастности к выполнению культовых функций (Семенов, 1993. С. 596, 587; Корневский, 2017).

Особой темой рассмотрения черт погребальной практики погр. 4 кург. 3 Лысогорского-6 могильника является находка деревянных подносов с положенными на них вещами. Аналогии этому ряду изделий уводят к племенам маньчской культуры в Предкавказье и на юге Восточной Европы, а также к беденской культуре Грузии. Однако такая тематика требует специального анализа материалов и может стать темой другого сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

Гей А.Н., 1986. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.: Наука. С. 13–32.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2013. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинский-5 // Материалы по изучению исторического наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М. С. 71–108.

Корневский С.Н., 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.) Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН. 283 с.

Корневский С.Н., 2018. О символике погребений с оружием ударного действия у племен Кавминводской группы и погребения с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы) // КСИА. Вып. 251. С. 41–63.

Корневский С.Н., Березин Я.Б., Габуев Т.А., 2018. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА. Вып. 252 (в печати).

Семенов Ю.И., 1993. Экономическая этнология. Ч. 1. М.: ИЭА РАН. 710 с.

Wang C-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., Erlikh V. R., Atabiev B. Ch., Magomedov R.G., Kohl. Ph. L., Alt K. W., Pichler S. L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A. D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Ya. B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A. B., Reich D., Hansen S., Krause J., & Haak W., 2018. The genetic prehistory of the Greater Caucasus // bioRxiv preprint first posted online May. 16, 2018; DOI: <http://dx.doi.org/10.1101/322347>. 30 p.

П.Ф. Кузнецов (Самара)

ЗНАЧЕНИЕ КАВКАЗСКОГО КОМПОНЕНТА В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ. СООТНОШЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В настоящее время достаточно надежно определен хронологический приоритет майкопской культуры по отношению к ямной. Установлено ее определяющее влияние на формирование и развитие ямной культуры. На территории Предкавказья это влияние было настолько значимым, что привело к появлению особой – новотиторовской культуры, возникшей на основе ямной, с достаточно выраженной майкопско-новосвободненской составляющей (Гей, 2000. С. 193–201). У нас есть все основания полагать, что в результате майкопского влияния в степной зоне Восточной Европы берет свое начало новая эпоха – ранний бронзовый век.

Параллельно с культурной и технологической трансформацией, в эпоху раннего бронзового века фиксируется приток населения на территорию Волго-Уралья (Хохлов, 2017. С. 144, 145). В связи с этим важно сравнить новые данные по результатам полногеномного анализа. Установлено, что пле-

мена ямной культуры Волго-Уралья и Калмыкии, носители полтавкинской культуры Поволжья, а также представители афанасьевской культуры Алтая генетически однородны, и образуют компактный единый кластер «людей степной зоны бронзового века» (Haak, Reich et al., 2015; Mathieson, Reich et al., 2015). Время этого кластера определяется в пределах 3400–2400 гг. до н.э.

Наблюдается генетическая преемственность ямно-полтавкинского населения с предшествующим населением Восточной Европы. Наиболее близок генетический кластер людей степной зоны бронзового века к энеолитическому могильнику Хвалынский II. Вместе с тем, энеолитические и ямные комплексы не тождественны друг другу. Анализ графика, построенного по методу главных компонент, показывает, что эти комплексы частично накладываются, но, при этом, занимают различные участки корреляционного поля (Mathieson, Reich et al., 2015. Fig.1). Таким образом, вполне закономерно предположение о том, что в сложении ямной культуры, её восточного ареала приняли участие иные популяции. Сравнение с результатами геномного анализа Юго-Восточной Европы показывает, что нео-энеолитические комплексы здесь не образуют единства с носителями ямной культуры территории Украины (Mathieson, Reich et al., 2017. Fig.1b). Последние, напротив, полностью соответствуют кластеру людей степной зоны. То есть результаты геномного анализа не подтверждают вероятность возникновения ямной культуры под влиянием энеолитических степных популяций Днепро-Донецкого ареала. Напротив, дополнительное основание получает гипотеза о распространении ямной культурно-исторической общности в западном направлении.

При рассмотрении главных компонент геномных характеристик различных регионов Европы Д. Бредли и его коллеги впервые обратили внимание на то, что ямники занимают промежуточную позицию между охотниками и собирателями Восточной Европы и Закавказья (Jones E.R., Bradley et al., 2015. P. 3). Еще более выразительная картина получена по результатам изучения генетической предыстории Кавказа (Wang, Haak et al., 2018, P. 26, 27). Индивиды разных вариантов ямной культуры оказываются ближе всех древних европейцев к людям майкопско-новосвободненской общности. Генотипы позднего майкопа занимают промежуточную позицию, а кластер степного варианта майкопской культуры неожиданно оказывается ближе к энеолитическим популяциям, а также – к охотникам и собирателям Восточной Европы.

Майкопско-новосвободненская общность оказывается в общем кластере с охотниками и собирателями Закавказья. Генетическое наследие МНО восходит к армяноподобным ближневосточным популяциям. Генетический анализ позволяет сделать вывод о непосредственном включении потомков

майкопской культуры в среду племен, носителей ямной общности. В этой связи необходимо отметить, что у ямников появляются новые mtDNA – гаплогруппы T2 и J2 – МНО-маркеры (Wang, Haak et al., 2018. Suplem. D.1). При этом, мужские Y-chrom совершенно различные. Таким образом, ранний бронзовый век Восточной Европы начинается как с распространения технологических новаций от Большого Кавказа, так и со включением в степную зону майкопских популяций, повлиявших на особенности формирования ямной общности. Такой генетический дрейф носителей ямной культуры, вероятно, распространялся по женской линии, размывая гомогенность предшествующего энеолитического периода Восточной Европы. Вероятно, именно этим объясняется и особенность кластера людей степной зоны бронзового века.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00137.

ЛИТЕРАТУРА

- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад». 224 с.
- Хохлов А.А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена. Самара: СГСПУ. 368 с.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mitnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R. G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Guerra M. A. R., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K. W. and Reich D., 2015. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. T. 522. № 7555. P. 207–211.
- Jones E. R., Gonzalez-Forbes G., Connell S., Siska V., Eriksson A., Martiniano R., McLaughlin R. L., Llorente M. G., Cassidy L. M., Gamba C., Meshveliani T., Bar-Yosef O., Müller W., Belfer-Cohen A., Matskevich Z., Jakeli N., Higham T. F.G., Currat M., Lordkipanidze D., Hofreiter M., Manica A., Pinhasi R., & Bradley D. G., 2015. Upper Paleolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nature Communications* [6:8912] DOI: 10.1038/ncomms9912. 08 p.
- Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N., Roodenberg S. A., Harney E., Stewardson K., Fernandes D., Novak M., Sirak K., Gamba C., Jones E. R., Llamas B., Dryomov S., Pickrell J., Arsuaga J. L., Bermúdez de Castro J. M., Carbonell E., Gerretsen F., Khokhlov A., Kuznetsov P., Lozano M., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Roodenberg M. A. R. G. J., Vergès J. M.,

Krause J., Cooper A., Alt K. W., Brown D., Anthony D., Lalueza-Fox C., Haak W., Pinhasi R., Reich D., 2015. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. T. 528. № 7583. P. 499–503.

Mathieson I., Roodenberg S. A., Posth C., Szécsényi-Nagy A., Rohland N., Mallick S., Olalde I., Broomandkhoshbacht N., Cheronet O., Fernandes D., Ferry M., Gamarra B., Fortes G. G., Haak W., Harney E., Krause-Kyora B., Kucukkalipci I., Michel M., Mittnik A., Nägele K., Novak M., Oppenheimer J., Patterson N., Pfrengle S., Sirak K., Stewardson K., Vai S., Alexandrov S., Alt K. W., Andreescu R., Antonović D., Ash A., Atanassova N., Bacvarov K., Gusztáv M. B., Bocherens H., Bolus M., Boroneanț A., Boyadzhiev Y., Budnik A., Burmaz J., Chohadzhiev S., Conard N. J., Cottiaux R., Čuka M., Dorothée C. C., Drucker G., Elenski N., Francken M., Galabova B., Ganetovski G., Gely B., Hajdu T., Handzhyska V., Harvati K., Higham T., Iliev S., Janković I., Karavanić I., Kennett D. J., Komšo D., Kozak A., Labuda D., Lari M., Lazar C., Leppek M., Leshnikov K., Vetro D. L., Los D., Lozanov I., Malina M., Martini F., McSweeney K., Meller H., Mendišić M., Mirea P., Moiseyev V., Petrova V., Price T. D., Simalcik A., Sineo L., Šlaus M., Slavchev V., Stanev P., Starović A., Szeniczey T., Talamo S. (62), Teschler-Nicola M., Thevenet C., Valchev I., Valentin F., Vasilyev S., Veljanovska F., Venelinova S., Veselovskaya E., Viola B., Virag C., Zaninović J., Zäuner S., Stockhammer P. W., Catalano G., Krauß R., Caramelli D., Zariņa G., Gaydarska B., Lillie M., Nikitin A. G., Potekhina I., Papathanasiou A., Borić D., Bonsall C., Krause J., Pinhasi R., Reich D., 2017. The Genomic History of South-eastern Europe // *bioRxiv* preprint first posted online May. 9, 2017; doi: <http://dx.doi.org/10.1101/135616>. 30 p.

Wang C-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Petrenko V. G., Erlikh V. R., Atabiev B. Ch., Magomedov R.G., Kohl. Ph. L., Alt K. W., Pichler S. L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A. D., Mariaschk D., Berezina N., Gresky J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Ya. B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A. B., Reich D., Hansen S., Krause J., & Haak W., 2018. The genetic prehistory of the Greater Caucasus // *bioRxiv* preprint first posted online May. 16, 2018; DOI: <http://dx.doi.org/10.1101/32247>. 30 p.

Л.В. Купцова (Оренбург), В.И. Мухаметдинов (Уфа)

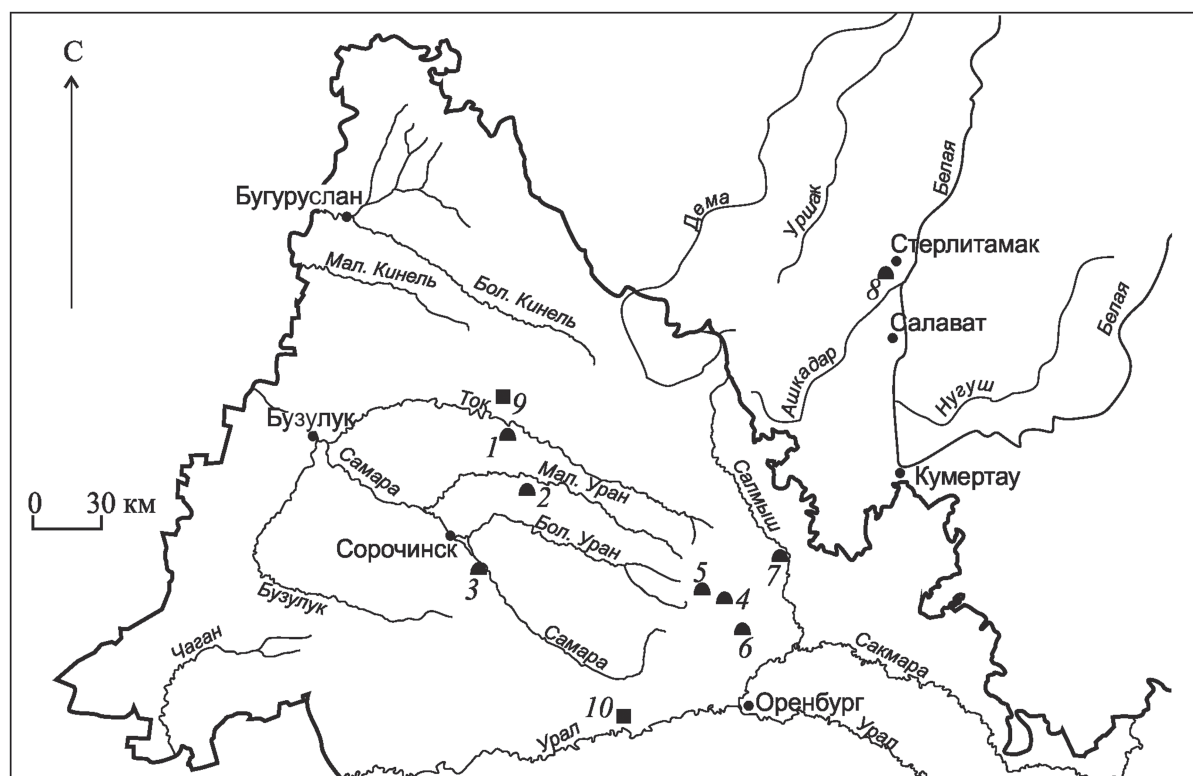
АНДРОНОВСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СРУБНЫХ ПАМЯТНИКАХ СТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

В эпоху поздней бронзы на территории степного Предуралья происходило активное взаимодействие срубных и андроновских (западно-алакульских, реже – кожумбердынских и федоровских) племен. Изучение этой контактной зоны имеет длительную историю (Сальников, 1967. С. 280; Рутто, 2003. С. 5–30; Алаева, 2015. С. 9). В то же время накопление новых данных и расширение возможностей интерпретации археологического источника позволяет несколько дополнить полученные ранее выводы.

Для написания работы были привлечены материалы восьми некрополей (в общей сложности проанализировано 252 погребения из 8 курганных могильников) и 2 поселений позднего бронзового века (Карта).

Погребальный обряд. В погребальном обряде абсолютно преобладают срубные признаки. В Оренбуржье в большом количестве известны срубные могильники, в которых погребения перекрыты каменными плитами. Долгое время считалось, что каменные перекрытия являются элементом, отражающим влияние алакульской традиции (Горбунов, Морозов, 1991. С. 91; Зудина, 1981. С. 103; Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 146). Между тем, сопоставление каменных надмогильных перекрытий срубных памятников Предуралья с каменными конструкциями андроновской общности показало, что они не являются полностью идентичными. Напрямую с андроновским происхождением можно связать только каменные ящики и оградки, если они сочетаются с андроновской керамикой или обрядом трупосожжения. Простые заклады из плит сложно соотносить с алакульским или федоровским влиянием, так как никакими другими инокультурными признаками в обряде захоронения под плитами не характеризуются. Более того, андроновская и срубно-андоновская керамика, как правило, встречается в захоронениях без перекрытий (Купцова, 2014. С. 190–192).

Инвентарь. Данные технико-технологического анализа керамики. Предметы, отражающие сферу металлопроизводства, в основном, тяготеют к срубному очагу металлообработки. В памятниках бронзового века Предуралья немногочисленно известен алакульский импорт, который, в основном, представлен украшениями: височными и челюстно-лицевыми подвесками. Практически единственным материалом, по которому можно судить о межкультурных взаимодействиях на данной территории, является керамика. В анализируемых погребальных памятниках представлена керамика, характеризующая срубной и андроновской морфологией, и сосуды со сме-

Карта. Расположение памятников

шанными признаками, которые определяются наличием комбинированных срубных и андроновских элементов в форме и орнаментации посуды. Посуда срубного облика преобладает на всех могильниках и поселениях. Интересно, что андроновская и срубно-андроновская керамика чаще встречается в погребениях некрополей, территориально приуроченных к Каргалинским медным рудникам (карта: 4, 5, 6, 7), поселение Горный также изобилует фрагментами андроновской посуды (Каргалы III, 2004. С. 28–49, 70).

Технико-технологический анализ проводился для сосудов Боголюбовского и II Плешановского курганных могильников, для Родникового и Малоюлдашевского поселений (Моргунова и др., 2014. С. 131–159; Мухаметдинова, 2012. С. 101–111; Мухаметдинов, 2012б. С. 134–139; Евгеньев и др., 2016. С. 151–159). Сравнение гончарных традиций, в соответствии с которыми изготавливались срубные и срубно-андроновские сосуды показывает, что их качественный состав во многом совпадал. Можно отметить только большую неоднородность традиций изготовления срубно-андроновской посуды, выражающуюся в более широком спектре технологических схем конструирования и в распространенности смешанных рецептов формовочных масс.

Кроме того, в редких случаях, по срубно-андроновской посуде выделяются традиции не характерные для срубного гончарства – например использование тальковой или иной дресвы. Условно к таким традициям можно отнести добавление раковины как компонента формовочных масс. Данная примесь характерна для срубной КИО, особенно на раннем этапе (Салугина, 2014. С. 644). Однако в степном Предуралье наиболее широко она представлена в раннеалакульской и срубно-алакульской посуде, а в срубной только эпизодически. Вероятно, это можно отнести к локальной особенности региона.

Также, лощение и обваривание (чернение) поверхности – технологические приемы мало распространенные в срубном ареале, часто использовались не только при изготовлении срубно-андроновской посуды, но и срубной с тех же памятников.

Социальные аспекты взаимодействия. Распределение сосудов срубного облика и посуды с андроновскими чертами по погребениям согласно их половозрастной характеристике представлено в таблице. В одиночные мужские захоронения в большинстве случаев помещалась керамика исключительно срубного облика. Количество одиночных женских захоронений, содержащих алакульскую и срубно-алакульскую посуду, несколько преобладает над теми, в которых находилась исключительно срубная посуда. Для парных захоронений определено, что в представленной выборке все они обязательно сопровождалась срубно-алакульскими или алакульскими сосудами, что подтверждает высказанное Я.В. Рафиковой мнение о том, что обряд погребения мужчины и женщины лицом к лицу имеет алакульское происхождение (Рафикова, 2008. С. 6, 11). В подростковых и детских захоронениях чаще фиксировалась срубная посуда, посуда с андроновскими признаками выявлена примерно в $\frac{1}{4}$ части указанных погребений.

Планиграфия захоронений такова, что в центральные могилы в основном помещалась исключительно срубная керамика, значительно реже алакульского и срубно-алакульского облика. Причем, помещение в центральные могилы керамики с андроновскими чертами характерно, в основном, для некрополей Каргалинских рудников. Кроме того, в представленной выборке инсигнии власти, а также орудия труда в комплексах, характеризующихся наличием андроновских элементов, не зафиксированы. Отмечен только один комплекс, содержащий посуду с федоровскими чертами, в который помещено костяное навершие плети (Моргунова и др., 2014. С. 57, 58).

Таким образом, в срубных памятниках степного Предуралья андроновские элементы проявляются, в основном, в керамической посуде, которая чаще выявляется в женских захоронениях, расположенных на периферии подкурганной площадки, как правило, лишенных избыточного инвентаря.

Таблица. Половозрастная характеристика погребений. Способы погребения.

Пол, возраст, количество погребенных в могиле / Группы погребений	Количество погребений по выделенным группам						Способ погребения					
	Погребения группы 1		Погребения группы 2		Без керамики (либо культовая принадлежность посуды не определена)		Ингумация		Кремация		Кенотаф	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Мужчины (одиночные – 18)	11	61	4	22	3	17	17	94	1	6		
Женщины (одиночные – 35; двойное – 1; женщина и ребенок – 4)	12	30	16	40	12	30	40	100				
Взрослые, пол не определен (одиночные – 38; двойное – 1)	19	49	7	18	13	33	39	100				
Парные (мужчина и женщина – 3)			3	100			3	100				
Подростковые (одиночные – 33, двойное – 1)	18	53	10	30	6	17	34	100				
Детские (одиночные – 96, двойное – 1)	68	71	18	18	11	11	97	100				
Признаки «пол, возраст» отсутствуют (кенотафы – 14)	11	79	1	7	2	14					14	100
Кремации (мужское – 1; признаки «пол, возраст» не определяются – 7)	3	37	3	37	2	26			8	100		

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П., 2015. Территориальная группа памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. №14. С. 9–15.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 160 с.

Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А., 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 196 с.

Зудина В.Н., 1981. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет. С. 88–107.

Каргалы III, 2004. Каргалы. Т. III. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. 320 с.

Купцова Л.В., 2014. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология. Оренбург: ООО «ИПК Университет». С. 177–195.

Моргунова, Н.Л., Гольева, А.А., Евгеньев, А.А., Крюкова, Е.А., Купцова Л.В., Рослякова, Н.В., Салугина, Н.П., Турецкий, М.А., Хохлов, А.А., Хохлова, О.С., 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 172 с.

Мухаметдинов В.И., 2012а. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 101–111.

Мухаметдинов В.И., 2012б. Техничко-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 134–139.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1991. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: изд-во Саратовского университета, Самарский филиал. 176 с.

Рафикова Я.В., 2008. Парные захоронения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. №18 (119). Челябинск: ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет». С. 5–13.

Рутто Н.Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем. 212 с.

Салугина Н.П., 2014. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество.С.643–646.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 408 с.

О.П. Ларенок (Ростов-на-Дону)

ГРУППА ПОГРЕБЕНИЙ КУЛЬТУРЫ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА БУРГУСТА I В КРАСНОСУЛИНСКОМ РАЙОНЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Археологические исследования курганного могильника Бургуста I проводились летом 2017 года экспедицией Ассоциации «Южархеология» по проекту строительства линии газопровода близ города Гуково в Красносулинском районе Ростовской области.

Курганный могильник в восточной части Донецкого кряжа, западнее хут. Калинин, на водоразделе реки Кундрючьей, левого притока реки Северский Донец, между водоточными балками рек Большая Бугутка и Гнилуша.

Исследуемая курганная группа состояла из цепочки насыпей, протянувшейся в направлении с СЗ на ЮВ, образованной из семи курганов, из которых курганы № 3, 4, 5, 6 представляли собой центральную единую цепь насыпей, высотой от 2,5 до 3,5 м. Курган № 7, высотой 2,2 м, располагался в северо-западной части могильника, обособленно от остальных курганов.

Формирование основных насыпей курганов происходило в различные периоды эпохи бронзы и окончательно было завершено в средневековье. Поверхности курганов были выложены рваными плитами песчаника разных размеров, образуя своеобразный каменный панцирь. На всех курганах были зафиксированы грабительские ямы, частично разрушившие погребения. Также часть погребений была нарушена норами байбака и мелких грызунов.

Слой, относящийся к культуре многоваликовой керамики, связан с центральной частью могильника, а именно: курган № 4 – погребение № 4, курган № 5 – погребение № 11, курган № 6 – погребение № 1 и в дальнейшем производят досыпку кургана № 3 – над погребением № 12, и кургана № 5 – над погребением № 10.

Особую группу составляют погребения №3 (курган № 3) и № 2 (курган № 5), место в древности выбрано в седловинах между насыпями. По нашему мнению, они относятся к более позднему периоду культуры многоваликовой керамики, ближе к началу позднего бронзового века. Сходное по структуре с ними погребение № 1 (курган № 4), предположительно можно датировать началом эпохи поздней бронзы.

Таблица. Погребения культуры многоваликовой керамики

Обрядовые признаки / Курган, погребение	К. 5, п. 11	К. 5, п. 9, 10	К. 5, п. 2	К. 4, п. 4	К. 3, п. 12	К. 3, п. 3, 4, 5
Ограда	-	-	+	-	-	+
Заклад	-	-	+	-	-	+
Поминальная площадка	-	-	+	-	-	+
Перекрытие	Дерево	Дерево	-	Дерево	Дерево	Дерево
Ящик	-	-	-	Дерево	Дерево	-
Чучело	лошадь	баран	бык	лошадь	бык	-
Положение скелета	СПБ, В	Парное: СЛБ, 3	СЛБ, ВСВ	расчленен	СЛБ, ЗСЗ	кено-таф
Подстилка	=+	+	+	+	+	-
Инвентарь	Пастовый бисер, двурожковые бусины, бронзовые полусферические бляшки, сердоликовые бусины, бронзовые пронизи трубочки, раковины, клыки собаки, 2 биспиралевидные подвески	Два сосуда	сосуд	Сосуд, кремневый отщеп	-	Сосуд, бронзовая пластина

Примечание: СЛБ – скорченно, на левом боку; СПБ – скорченно, на правом боку.

В.И. Мельник (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР

Катакомбная культура с самого начала появления обобщающих работ, посвященных ее характеристике, предстала весьма неоднородным культурным образованием. В монографии Т.Б. Поповой были обозначены территориальные варианты этой культуры, а также один территориально-хронологический вариант (Попова, 1955). Л.С. Клейном катакомбное культурное образование было представлено уже как ряд катакомбных культур (Клейн, 1970). Впоследствии нами была произведена корректировка катакомбных групп памятников и предложено объединение ряда культурных образований в катакомбную общность и более широкий катакомбный культурный круг (Мельник, 1987). По результатам Круглого Стола 2007 года (Мельник, 2009) был дан обзор катакомбных культур в статье А.Н. Гея (Гей, 2011), а нами в статье об уровнях общности катакомбных групп было отмечено таксономическое соотношение выделяемых катакомбных образований (Мельник, 2011). Все эти выводы указывают на то, что формирование катакомбного культурного феномена на огромной территории было связано со сложными процессами культурогенеза, где на разных территориях утверждались своеобразные культурные приоритеты.

В катакомбном образовании можно видеть не только устоявшееся явление, но и процессы становления и трансформации разных частей этого культурного пространства. В связи с этим возможно выделение неких пространственно-временных вех этого движения. В общем виде они могут быть представлены так: I – раннекатакомбный этап: 1) фаза становления катакомбной атрибутики, 2) фаза первоначального распространения катакомб и формирования новых культурных стереотипов, 3) фаза устоявшихся культурных стереотипов и их дальнейшее распространение; II – среднекатакомбный этап: 4) фаза появления новых культурных стереотипов, 5) фаза регионализации новых культурных стереотипов; III – позднекатакомбный этап: 6) фаза устоявшихся культурных стереотипов и их дальнейшее распространение; IV – финальнокатакомбный этап: 7) фаза деградации катакомбной атрибутики; V – посткатакомбный этап: 8) фаза существования катакомбных элементов в новой культурной среде.

Начало культурного перелома, ознаменованного становлением катакомбной атрибутики, на наш взгляд, связано с изменением экологической обстановки в первой четверти III тыс. до н.э. По явление погребений в катакомбах было, видимо, первым звеном в цепочке последующих новаций.

Первоначальный район распространения катакомб охватывает районы Азово-Кубанской равнины, Нижнего Дона, Ставропольской возвышенности и Калмыкии. В последующем это способ погребения утверждается на Донетчине, в Северном Приазовье и в Крыму (Мельник, 2016). Это основные фазы раннекатакомбного этапа.

Переход к новым культурным формам может быть обозначен как среднекатакомбный этап. Не исключено, что его начало также связано с климатическими изменениями (середина III тыс. до н.э.), которые фиксируются не так явно, как в начале предыдущего периода. Катакомбные образования Предкавказья и Нижнего Дона формируются под сильнейшим воздействием северокавказских стереотипов, что просматривается в металлических изделиях и керамике. Широко распространяются курганы. Формируются бугорное, донецкое, маньчское культурные образования. На базе раннекатакомбной северокавказской культуры в Закубанье оформляется суворовская катакомбная культура (Клещенко, 2013). Идет проникновение катакомбных элементов на Средний Дон и на Волгу. Начинается процесс становления приазовской и ингульской катакомбных культур.

Позднекатакомбный этап характеризуется утверждением и расширением складывающихся культурных центров. Они обретают свою специфику, которая проявляется в компонентах, связанных с их становлением. Финальнокатакомбный этап означал новый культурный сдвиг, который стал заменять устоявшиеся формы. В посткатакомбное время речь может идти лишь о их реминисценциях в культурах, сменивших катакомбную.

Р.А. Мимоход (Москва)

О ВЕРХНЕЙ ДАТЕ ВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Воронежская археологическая культура была выделена А.Д. Пряхиным и В.И. Бесединым в 80-х годах прошлого века. Ей посвящена обширная литература, но до сих пор остается дискуссионной ее хронология. Проблемы возникают с определением нижней границы существования воронежских древностей, прежде всего, в силу отсутствия ранних узко датирующихся вещей в поселенческих и немногочисленных погребальных комплексах. В.И. Беседин и А.Д. Пряхин помещают формирование воронежской культуры после развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, т.е. ранние воронежские памятники синхронизируются с поздними среднедонскими. Полностью синхронизирует воронежскую и среднедонскую катакомбную культуру А.Т. Синюк. По его мнению, эти культуры непосредственно сты-

куются с раннесрубными памятниками. Сейчас уже очевидно, что катакомбные группы не могли принимать участие в формировании срубной культуры. Оправданным представляется помещение В.И. Бесединым и А.Д. Пряхиным между позднебронзовыми и катакомбными памятниками в лесостепном Подонье памятников воронежской культуры.

Благодаря плодотворным разработкам в области изучения посткатакомбной проблематики за последние 15 лет, можно точно определить верхнюю границу существования воронежской культуры. Дело в том, что ее характерная посуда в ряде случаев была обнаружена в закрытых посткатакомбных комплексах. В двух случаях воронежские горшки были обнаружены в погребениях днепро-донской бабинской культуры (Хохольский 1/3, Павловский 3/1), а в трех – в захоронениях волго-донской бабинской культуры (Липовка 1 5/1, Губари 4/1, Чурилово 1 3/3). Периодизация посткатакомбного мира сейчас хорошо разработана как на уровне относительной, так и на уровне радиоуглеродной хронологий. Можно констатировать, что верхняя граница воронежской культуры синхронна первой и второй фазам существования блока посткатакомбных культурных образований. Подтверждают это и немногочисленные узко датирующиеся вещи, с которыми в погребениях встречена воронежская керамика. В комплексе Хохольский 1/1 обнаружены медные гривна, очковидная подвеска, спиральные пронизи и мелкие полусферические бляшки. Аналогии им присутствуют в захоронениях днепро-донской бабинской, лопатинской, средневолжской абашевской культуры, которые синхронны друг другу. В Филатовском кургане в погребении 6 фрагменты воронежской посуды встречены вместе с костяной пряжкой с одним отверстием и бортиком. Изделия такого типа маркируют вторые этапы днепро-донской и волго-донской бабинской культур. Интересно, что в этом кургане погребение с воронежской посудой и пряжкой предшествует захоронению воинов-колесничных начала поздней бронзы. Это надежно документирует тот факт, что верхняя граница существования воронежской культуры относится к финалу среднего бронзового века.

Радиоуглеродная хронология воронежской культуры определяется как ее собственными данными, так и данными синхронного ей посткатакомбного блока. Воронежские радиоуглеродные данные немногочисленны, их четыре.

Две сделаны по керамике поселений Замятино 10 и Курино 1, еще две по астрагалу МРС и керамике среднедонского катакомбного погребения Панинское 6 2/1. Эти даты подтверждают то, что ранняя воронежская культура синхронна позднекатакомбным древностям. Соответственно, она датируется XXV–XXIII вв. до н.э. На основе ¹⁴C данных посткатакомбных древностей (80 дат) поздняя фаза воронежской культуры датируется финалом средней бронзы в рамках XXII–XX вв. до н.э. в системе калиброванных значений.

В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный (Краснодар)

КЛАД БРОНЗОВЫХ СЕРПОВ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В 2009 г. близ г. Нальчик осуществлялись охранно-спасательные работы на поселении Кишпек-2. Еще до их начала почти на всей территории отвода строителями был срезан верхний почвенный горизонт на глубину 20–25 см. Исключение составил лишь небольшой (20 × 30 м) фрагмент будущего раскопа, где только и сохранился пласт 0, при ручной разборке которого половина квадратов оказались вообще «пустыми» и только в четырех количество материала можно рассматривать, как достаточное. Полученный в процессе изысканий многочисленный инвентарь предварительно датирован первой половиной VII в. до н. э. и частично уже введен в научный оборот. Следует отметить наличие артефакта явно более раннего возраста. Речь идет о сделанной из круглого бронзового прута диаметром 2,7 мм височной подвеске в виде неправильного эллипса (19 × 28 мм); ее полуовальные в сечении, заходящие друг за друга на 10 мм концы утолщены до 5,7 мм. Подобные аксессуары не характерны для комплексов некрополей Предкавказья начальной стадии железного века (Терезе, Белореченский 2, Клинь Яр III, Сержень-Юрт, Зандак), зато учтены среди древностей долины р. Баксан первого периода существования кобанской общности (XIII–XI, либо XII–XI вв. до н. э.).

Аналогии (14 экз.), в частности, имеются в Былымском кладе бронзовых вещей, где преобладали булавы с самыми разнообразными навершиями. Здесь же представлены: цилиндрическая проница ожерелья (IX тип по В.И. Козенковой); ромбовидная выпуклая пуговица; скрученные из прямоугольного листа, иногда декорированные конусовидные трубочки (7 шт.), по мнению специалистов, генетически восходящие к таким архаичным комплексам, как погребение 31 Нальчикского могильника.

В целом, отложения изучавшегося нами памятника изобиловали керамикой: до 170 фрагментов на квадрат, в одном пласте. Исследованная площадка (3090 м²) занимала 108 квадратов 5 × 5 м. Однако восточный и западный края ее представляли собой периферийные зоны, где в прошлом отсутствовала активная хозяйственная деятельность. Мусорные отбросы накапливались тут не очень интенсивно и только в 1-м и 2-м пластах (максимум 8 обломков посуды в квадрате на один пласт).

Судя по столь же слабой насыщенности культурной толщи в средней части раскопа, здесь, с севера на юг мог, располагаться своеобразный проход шириной до 5 м, служивший для передвижения людей и животных (?). С юго-запада к нему примыкала прямоугольная наземная постройка (4,2 × 3,5 м). В пределах этого же условно выделяемого «транспортного коридора», бли-

же к северному краю раскопа (кв. 32, пласт 2), зафиксирован клад мастера-литейщика. Он засвидетельствован непосредственно в наслоениях древнего поселка и, вероятнее всего, относится к заключительной фазе его существования. Наверное, в спешке покидая свой дом, владелец не успел захватить с собой уложенные «стопкой» 6 бронзовых серпов, на спинках которых сохранились литники, либо их остатки, сильно смещенные к держакам.

Последнее обстоятельство позволяет сопоставить характеризующие изделия с жатвенными орудиями «северокавказской серии»; три из них ближе всего к варианту Бамут/Vamut 2.

Оставшиеся 3 экземпляра, вероятно, принадлежат к «полуфабрикатам»; правая и левая половины их корпусов почти идентичны. Похожие «симметричные» серпы, сильно варьирующие по метрическим показателям, известны вплоть до низовьев Южного Буга, но главный центр их изготовления локализуют в Среднем Прикубанье. Они в основном известны в составе кладов, которые, как полагают, образуют узкий «культурно-хронологический горизонт» в пределах XIV – начала XIII в. до н. э.; впрочем, есть и исключение. Клад «Батарейка» (Тамань) содержит три предмета, наиболее близких обнаруженным нами заготовкам (Дергачев, Бочкарев, 2002. № 557–559).

В коллекции Кишпека нет жатвенных орудий рубежа II–I тыс. до н. э.: разновидности Нарат-Ешик 2, Агур, Ростов. Думается, что используемая классификация бронзовых северокавказских серпов, схема их эволюции, а также хронология в будущем потребуют корректив.

Н.Л. Моргунова (Оренбург)

РОЛЬ СВЯЗЕЙ И КОНТАКТОВ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ЭНЕОЛИТЕ И НАЧАЛЕ РБВ

Самарское Заволжье и Южное Приуралье занимают южную часть лесостепи на северной окраине Волжско-Уральского междуречья и представляют единое в природно-климатическом отношении пространство, соединенное бассейном р. Самара. На всем протяжении голоцена данная территория являлась связующим звеном между европейским и сибирско-азиатским культурным миром, а также между степными и лесными культурами Восточной Европы. Связи и контакты лесостепного населения Поволжья и Приуралья нашли отражение в своеобразии культурного развития региона, в том числе в такие переломные моменты истории, как эпоха энеолита и ранний бронзовый век (ЭЭ и РБВ).

К ЭЭ относится самарская культура (СК). Сразу же после выделения был подчеркнут ее синкретический характер, обусловленный многообразием связей, при том основная роль была отведена местной неолитической культуре с накольчато-гребенчатой керамикой, испытавшей сильное влияние со стороны степных культур с накольчатой традицией в гончарстве (Васильев, 1981). Выделен ранний, съезжинский этап и проведено сопоставление материалов могильника у с. Съезжее с Мариупольским могильником и другими аналогичными памятниками Подонья и Сев. Причерноморья, обосновано сложение в раннем энеолите мариупольской КИО (Васильев, 1981; Васильев, Синюк, 1985). По современным данным изучения, прежде всего технологии керамики, выводы исследователей подтвердились (Васильева, 1999; Моргунова, 2011). Хронология этапа по ^{14}C данным в интервале примерно 5300–4800 cal BC (Моргунова, 2011).

Второй (развитой) этап СК определен по материалам Ивановского и Турганинского поселений (Моргунова, 1989; 2011). По признакам в керамике и каменном инвентаре наблюдается преемственность с предшествующим этапом. Характерны 2 типа керамики (ивановский, воротничковый, и токский, без воротничка), которые отличают близкие признаки в морфологии и технологии. Однако появляется ряд новых элементов, связанных с влиянием хвалынской культуры. Результат смешения пришлых и местных компонентов отражает ивановско-хвалынский тип керамики. Об усилении связей с южными культурами в пределах БКМП свидетельствуют находки металла балканского происхождения, погребальные обряды и инвентарь. Хронология этапа по ^{14}C данным в интервале примерно 4800–4400 cal BC (Моргунова, 2011; Моргунова и др., 2017).

Заключительный этап СК соответствует распространению в степной зоне древнейших подкурганных погребений. Подобные памятники в лесостепи Волго-Уралья в это время неизвестны, характерно продолжение токской традиции в гончарстве, воротничковая традиция постепенно изживается. Однако последняя находит проявление в позднем неолите Волго-Камья (Русский Азибей и др.). Об усилении роли связей СК с лесными культурами Прикамья, а также с суртандинской культурой свидетельствуют находки импортной керамики на Турганинском поселении. Связи с южными культурами ослабевают. Хронология этапа по ^{14}C данным в интервале 4400–3800 cal BC (Моргунова и др., 2017).

Переход от ЭЭ к РБВ, как и в степных районах, связан с формированием и освоением территории носителями ямной культуры (ЯК). Утвердилось мнение, что ЯК сложилась в степных районах Волго-Уралья на базе хвалынской-среднестоговской КИО (Васильев, 1981; Мерперт, 1980; Моргу-

нова, 2014). В последние годы получены данные, подтверждающие эту точку зрения (Моргунова и др., 2017). На Турганикском поселении изучен слой с керамикой репинского типа. Слой датирован по данным ^{14}C (керамика и кости животных) в интервале 3800–3300 cal BC. Анализ технологии керамики, металлография металла и другие артефакты показали смешанный характер населения, включающий как местные постсамарские, так и пришлые компоненты, наличие связей и контактов с Предкавказьем и Северным Причерноморьем.

Работа выполнена при поддержке Госзадания Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 127 с.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 118 с.

Васильева И.Н., 1999. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 191–216.

Мерперт Н.Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1980. С. 3–26.

Моргунова Н.Л., 1989. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С.118–135.

Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: изд-во ОГПУ. 220 с.

Моргунова Н.Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: изд-во ОГПУ. 348 с.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С., 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 300 с.

Н.А. Мусебли (*Баку, Азербайджан*)

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ И МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУР IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.

Одной из актуальных тем археологии Кавказа является распространение в этом регионе культурных традиций Передней Азии в позднем халколите. В результате миграций восточноанатолийских-северомесопотамских племен образовались лейлатепинская на Южном (в основном на территории Азербайджана) и майкопская халколитические культуры на Северном Кавказе. Между этими двумя культурами, наряду с различиями, имеются много общих черт, которые тесно связывают их.

На поселениях лейлатепинской культуры обнаружены постройки из сырцового кирпича (Лейлатепе), глиняных пластов (Галаери) и наземных каркасов (Беюк Кесик, Пойлу). Мощность культурного слоя иногда достигает 3 м. Поселения лейлатепинской культуры демонстрируют оседлый раннеземледельческо-скотоводческий тип хозяйства. На этих памятниках обнаружены многочисленные орудия жатвы в виде вкладышей составных серпов

Для поселений майкопской культуры, как и для некоторых поселений лейлатепинской, характерны легкие наземные постройки каркасного типа. Толщина культурного слоя майкопских поселений обычно невелика и не превышает 1 м. Этот показатель, вероятно, связан с частыми передвижениями скотоводческого населения.

Много общего и в погребальном обряде лейлатепинской и майкопской культур. Для обеих культур характерен обряд раннего подкурганного захоронения. Лейлатепинские курганы представлены в основном Союгбулагским могильником. Могильные камеры, сооруженные на древнем горизонте и в материке, известны в погребальной практике этих культур. Окаймление дна могильных ям разными способами (камнем, деревянной рамой, канавкой, заполненной рыхлой землей с примесью золы и т.д.), деление на секторы погребальных камер, устоявшийся принцип в ориентировке погребений (СЗ–ЮВ) – встречаются как в лейлатепинской, так и майкопской культуре.

Огромное количество археологического материала свидетельствует о генетических связях лейлатепинской и майкопской культур. В первую очередь, конечно, следует отметить керамику. Лейлатепинская керамика, в основном, красного, розового, желтого и оранжевого цветов, как правило, изготовлена из глины с растительной примесью. Такая керамика встречается и во многих памятниках (Большой Майкопский курган, Галюгай, Натухаевский и др.)

майкопской культуры. В керамическом производстве и майкопской и лейлатепинской культур применялся гончарный круг. Типологически керамические изделия идентичны – это в основном, кувшины/пифосы, миски и чаши и их разные вариации. Однако следует отметить, что типология керамики лейлатепинской культуры более разнообразна. Восточноанатолийская традиция «керамики со знаками» имеется у обеих культур.

В обеих культурах металлопроизводство было основано на мышьяковистой меди. Типологически идентичны бесчеренковые кинжалы раннемайкопского типа из памятников обеих культур. Также в обеих культурах представлены золотые вещи.

И лейлатепинская, и майкопская культуры по всем показателям (хронология, керамика с растительной примесью, мышьяковистая медь и др.) являются халколитическими и по происхождению связаны с Передней Азией. На Кавказе в новых географических условиях изменилась трудовая деятельность переднеазиатских переселенцев, появились локальные черты производства. В связи с этим между этими культурами имеются и существенные различия. По имеющимся на сегодня данным, можно представить нижеследующую схему характера движений на Кавказ и по мере удаления от первичного центра поэтапного изменения в новых географических ареалах жизнедеятельности переднеазиатских племен в рамках первой половины IV тыс. до н.э.

1. Передняя Азия (Северная Месопотамия-Восточная Анатолия, иными словами Большая Месопотамия) – оседлый, раннеземледельческо-скотоводческий образ жизни, канун протогородской цивилизации.

2. Южный Кавказ, лейлатепинская культура – оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, частично – полуподвижный образ жизни.

3. Северный Кавказ, майкопская культура – подвижные скотоводы.

Н.В. Панасюк (Москва), А.Н. Усачук (Донецк, Украина)

КОСТЯНЫЕ КОЛЬЦА И ТРУБОЧКИ МАНЫЧСКИХ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР

Среди костяного инвентаря погребений различных степных культур эпохи ранней и средней бронзы нередко находят кольца, вырезанные из трубчатых костей мелкого рогатого скота (МРС). Зачастую с кольцами встречаются и разные по длине части диафизных трубок костей МРС с неровными нарезками по диаметру. Подобные трубки с нарезками называют пронизьями (Федорова-Давыдова, 1983. С. 53; Беспалый, 2002. С. 123; Корневский

и др., 2007. С. 198; Шишлина, 2007. С. 137, 138, 176; и др.) или заготовками для колец (Усачук, 2002. С. 272; Шилов, 2009. С. 84). Для развитого катакомбного периода такие наборы (кольца и трубочки) являются распространенной находкой: например, в могильниках на берегу Восточного Маныча, раскопанных И.В. Синицыным, их известно не менее трех десятков (Синицын, 1961; 1963; 1965; 1966).

Назначение этих предметов, традиционно связываемых с категорией украшений, на сегодняшний день точно неизвестно. Для решения этого вопроса предлагается два направления исследования: трасологический анализ и изучение контекста находки. В свое время были трасологически изучены некоторые комплексы подобных находок (Усачук, 2001. С. 74, 75; 2002. С. 267, 268, 272), которые позволили выявить три приема изготовления колец и трубок: ручная резка по периметру, нарезка желобков при помощи токарного станка и смешанная техника, когда работа токарного станка на завершающей стадии дополнялась подрезкой от руки. Горизонтальный токарный станок с лучковым приводом, судя по следам на изделиях и реконструкции, существовал уже в неолите (Данилов, Сериков, 1999; Сериков, 2018. С. 500, 501; и др.), не говоря о позднебронзовом времени (Усачук и др., 2010. С. 172), так что его наличие в культурах ранней и средней бронзы неудивительно.

Обнаруженное в 2006 г. Н.И. Шишлиной впускное раннекатакомбное погребение 3 в кургане 1 могильника Темрта I (с. Ремонтное, Ростовская обл.) дало возможность не только провести трасологический анализ, но и подробно изучить контекст находки костяных изделий (Шишлина, 2007). Скелет ребенка 10–11 лет в Т-катакомбе сопровождался циновками, двумя глиняными и одним деревянным сосудом, фрагментом пояса (?) из органического материала и набором костяных колец и трубочек. Скопление костяных колец (более 40) и 3 трубочки лежали компактно у левой голени погребенного на прямоугольнике темно-коричневого тлена, прикрытые таким же тленом, т.е., вероятно находились в кожаном футляре. Возможно, часть костяных изделий в футляре были нанизаны на шнурок, поскольку не менее 9 колец стояли на ребре плотно друг к другу.

Трасологический анализ колец и трубочек показал, что на них сохранились концентрические следы механической резки толщины компакты кости. Параллельные друг другу группы концентрических следов иногда не совпадают с неровным сечением обрабатываемой кости. Все изделия в футляре изготовлены при помощи горизонтального токарного станка с лучковым приводом. Ложе большинства надрезов неровное, что подразумевает использование кремневого резца. На большинстве колец сохранились на торцах следы неровного слома. Концентрические нарезки на трубочках сде-

ланы с разной степенью аккуратности. Фиксируются следы разного давления на резец. Все кольца залощены в разной степени. Выступающие участки торцов несут линейную завальцованность. Внутренняя поверхность колец чистая, что подразумевает легкую предварительную обработку заготовки. Только одно кольцо в футляре с необработанной внутренней частью. Трубочки с нарезками тоже немного залощены. Торцы трубочек залощены больше. Внутренняя поверхность, как и в кольцах, чистая. Залощенность трубочек, особенно их торцов, заставляет усомниться в том, что перед нами заготовки будущих колец. Скорее всего, это отдельные готовые изделия. Косвенно о разных изделиях свидетельствует технология токарной обработки. Изготовление колец и трубочек почти одинаковое: в обоих случаях мастер не протачивал компакту кости насквозь. Но на заготовках, идущих на кольца, желобки довольно глубокие: оставалось совсем немного компакты, которую затем ломали вручную, превращая трубчатую кость в отдельные кольца. На трубочках же нарезки не столь глубокие, как на кольцах: видимо, мастера предпочитали не рисковать сломать заготовку. Судя по близким следам эксплуатации, кольца и трубочки использовались одинаково – в качестве своеобразных нашивных или нанизанных украшений (ср. Корневский и др., 2007. С. 68).

Однако обстоятельство, что в описанном захоронении этот набор находился в футляре у ног погребенного, заставляет усомниться в их использовании в качестве обыкновенных украшений. В данном случае, как в значительном числе других, трубочки и кольца входят в состав сложного погребального набора, причем чаще всего при детских костях. Возможно, что данные изделия имели более сложную семантику, подобно, например, молоточковидным булавам.

ЛИТЕРАТУРА

Беспалый Е.И., 2002. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. // Аксайские древности. Ростов-на-Дону. С. 111–188.

Данилов Д.Б., Сериков Ю.Б., 1999. Реконструкция токарного станка каменного века // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семёновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Семенова. СПб. С. 151–153.

Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука. 230 с.

Сериков Ю.Б., 2018. Биконические наконечники стрел с токарной обработкой в неолите Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Материалы 18-го – 20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. С. 494–502.

Синицын И. В., 1963. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР в 1962 – 1963 гг. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2791, 2791б.

Синицын И. В., 1965. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 3321, 3321а-г.

Синицын И. В., 1966. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 4223, 4223а-б.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1963. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2262, 2262а.

Усачук А.Н., 2002. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. М., Элиста. С. 267–279.

Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., 2010. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортостан) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа. С. 168–173.

Федорова-Давыдова Э.А., 1983. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныч // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М.: Наука. С. 35–87.

Шилов В.П., 2009. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста.

Шишлина Н.И., 2007. Отчет о работе Степной археологической экспедиции ГИМ в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году. // Архив ИА РАН, Р-1, №32001, 32002.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. 400 с. (Труды ГИМ. Вып. 165).

Г.Н. Поплевко (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

При проведении трасологического анализа керамики из поселений майкопской культуры, на ее внутренней, а иногда и внешней поверхности были отмечены следы разглаживания руками, а также следы состыковки двух по-

лусфер в единый сосуд с последующим разглаживанием места состыковки на внешней поверхности. Помимо этих следов, были отмечены и отпечатки какого-то каркаса с вертикальными тонкими ребрами через довольно широкие промежутки на внутренней поверхности сосуда из поселения Беляевское. Вероятно, сосуд лепили вручную лентами, а затем верхнюю половину сосуда поместили на вертикальный каркас с тонкими «ребрами» и продолжили лепить нижнюю часть сосуда, после чего две части были состыкованы в один сосуд. На внутренней части сосуда отчетливо видны отпечатки вертикальных «ребер» каркаса.

Пока основной моделью изготовления сосудов майкопской керамики можно считать ленточную лепку руками и изготовление из двух частей или двух полусфер с последующей состыковкой обеих форм. Техника выколотки прослеживается на части сосудов в виде очень плотного теста без видимых состыковок лент ручной лепки. Это камнеподобная структура глиняного теста. При наблюдении этнографического изготовления круглодонных сосудов подобно майкопским можно отметить много приемов ее изготовления у разных народов и, что очень важно, сочетание приемов изготовления сосудов. Это выражается в изготовлении сосудов ручной лепкой как из куска глины, так и ленточной лепкой, но после этого следует обязательная многократная выколотка всей поверхности сосуда, с целью уплотнения стенок и придания сосуду нужной круглодонной формы. Стенки становятся более плотными и тонкими. Было прослежено, что с целью ускорения процесса изготовления сосудов у некоторых племен Индии был заимствован ручной гончарный круг, что позволяло значительно повысить производительность ручного труда, но это было отступление от культурной традиции изготовления сосудов. В таких случаях на гончарном круге изготавливали небольшой плоскодонный сосуд, который затем передавали мастеру по выколотке сосудов и он переформатировал сосуд в большой круглодонный сосуд путем многократной выколотки стенок сосуда с помощью деревянной колотушки снаружи и каменной наковаленки изнутри сосуда. Отношение к глиняному тесту как к металлу, который можно растянуть и изменить форму, – это, пожалуй, и есть предтеча обработки металлических форм в эпоху бронзы, истоки которой находятся в технологии изготовления керамики.

Исходя из комплекса данных по технологии изготовления круглодонных сосудов и этнографических наблюдений у племен, сохранивших до наших дней технологию изготовления круглодонных сосудов, можно выделить несколько основных приемов:

1. Ручная лепка из целого куска глины.

2. Ручная лепка из целого куска глины и последующая выколотка сосудов.

3. Ручная лепка из двух полусфер.

4. Ручная лепка из двух полусфер и последующая выколотка сосудов.

5. Выколотка куска глины на плоской поверхности в тонкий блин и последующее наложение его на круглодонный сосуд, перевернутый вверх дном и формовка сосуда на этой основе.

6. Выколотка сосуда из куска глины прямо на круглодонной форме-основе.

7. Изготовление плоскодонного сосуда из целого куска глины и последующее переформатирование его в круглодонный сосуд путем проковки каменными пестами с обеих сторон.

8. Изготовление сосудов с помощью ручного гончарного круга и последующее переформатирование сосуда выколоткой деревянной лопаточкой с каменной наковаленкой изнутри сосуда.

Это далеко не полный перечень возможных приемов изготовления круглодонных сосудов по данным этнографии и моим наблюдениям на археологическом материале.

В настоящее время проводятся экспериментальные исследования технологии изготовления керамики с сочетанием ручной лепки и выколотки, а также выколотки на форме-основе с помощью деревянных колотушек и/или каменных пестов.

И. Пыслару (Мангалия, Румыния)

**КУЛЬТУРА ДЕЛАКЭУ-БАБИНО И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
КАРПАТСКО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА
И СЕВЕРНОЙ ПОНТИКИ**

1. В середине 70-х годов XX столетия были открыты памятники типа Синташта, исследователи которых связали их с древними арийскими племенами Южного Урала. В это же самое время нами были выработаны критерии выделения погребальных памятников культуры Делакеу-Бабино (культура многоваликовой керамики) (Писларий, 1975). Она, как нами было выяснено, появилась при непосредственном участии носителей синташтинской культуры (Paslaru, 1998; 2000; 2006).

2. Будучи дальнейшим развитием ямного культурного субстрата и, частично, катакомбного, новое образование, благодаря технологическим нов-

шествам, привнесенным носителями синташтинской культуры, заняло все степное и частично лесостепное пространство от Волги до Дуная и Прикарпатья, поглотив все существовавшие на этой территории катакомбные ямные и другие культурные группы. Это выразилось в распространении одинакового погребального обряда, формах погребальных сооружений, специфических керамических форм, предметов конской упряжи и др.

3. Достигнув зоны Карпат, племена культуры Делакэу-Бабино вошли в соприкосновение с местными оседлыми земледельческими культурами энеолитического облика, кардинально изменили их социальное устройство (переход от матриархата к патриархату) и серьезно повлияли на способы и формы хозяйствования, что отразилось в переходе к новым технологиям бронзового века, включая и распространение новых форм вооружения, в использовании легкой боевой колесницы, запряженной парой коней и др.

4. Все это привело к трансформациям, благодаря которым появился ряд культур эпохи бронзы, таких, как культуры Отомань или Фюзешабонь, Виттенберг, Сэрата Монтеору, Тэй и др. Племена этих культур создают укрепленные поселения, которые напоминают по своему устройству те, которые оставлены носителями синташтинской культуры на Южном Урале и в Северо-Западном Казахстане. Облик материальной культуры у носителей новых культур в Карпато-Дунайской зоне столь сходен с памятниками Сейма-Турбино и Синташты, что это заставило некоторых русских и западных исследователей говорить о существовании особых самостоятельных центров культурогенеза (Lihardus, Vldar, 1996. С. 39–42; Бочкарев, 2010. С. 54).

5. Сосуществуя с культурой Делакэу-Бабино, вышеупомянутые культуры занимают свои локальные пространства и обладают определенным своеобразием. Так, в культуре Сэрата-Монтеору имело место добыча соли, медной руды и янтаря, в то время как в культуре Отомань наряду с производством бронзовых предметов, получили распространение изделия из золота (топоры, кинжалы, браслеты и др. украшения), известные по кладам из Цуфалеу и Першинарь. А в районе Богемии велась добыча олова, что было крайне важно для развития бронзовой индустрии Карпато-Дунайского региона и прилегающих к нему областей Юго-Восточной Европы и Северной Понтики.

6. Следует отметить, что с закатом вышеперечисленных культур и культуры Делакэу-Бабино, на их месте и на их базе возникает целый ряд культур позднебронзового века, такие, как Кослоджень на Нижнем Дунае, Ноуа в лесостепной зоне Прутско-Днестровского междуречья, а в степной зоне Понтики – культура Сабатиновка. Сабатиновская культура заняла всю степ-

ную часть Правобережья Днепра, а на Левобережье достигла бассейна реки Северский Донец и Приазовья, вступив в тесный контакт со срубной культурой.

7. Субстрат культуры Делакэу-Бабино дал о себе знать в конце поздне-бронзового века, когда на смену оседлым животноводческим культурам – срубной и сабашиновской – приходят памятники раннего железного века, которые связывают с киммерийцами. Это проявилось в некоторых особенностях погребального обряда, в формах погребальных сооружений и категориях погребального инвентаря (Пыслару, 2009. С. 149–156).

8. Если в появлении культуры Делакэу-Бабино и культур Карпато-Дунайского региона, возникших под ее влиянием, мы видим вторую волну движения ариев в западном направлении, то в переходе от поздней бронзы к раннему железному веку мы видим новую волну движения ариев. Это было связано с появлением ираноязычного населения, для которого был характерен подвижный образ жизни, всадничество и распространение оружия и орудий труда из железа.

А.Д. Резепкин (Санкт-Петербург)

ДОЛЬМЕННЫЙ МОГИЛЬНИК ШУШУК

В 2009–2011 годах в Майкопском районе Республики Адыгея мною был исследован дольменный могильник Шушук. Он расположен в Майкопском районе Республики Адыгея, в 11 км к ЮВ от пос. Каменноостровский и в 2 км к С от хутора Веселый, в гористой местности, на высоте 820–850 м над уровнем моря. Дольмены, в количестве 11, располагались на склоне горы по линии СЗ–ЮВ. Расстояние между крайними дольменами по этой линии достигало 240 м. За три сезона было исследовано 10 дольменов. Некоторые результаты исследований опубликованы (Резепкин, 2010; 2013; 2016).

Архитектура и способы сооружения дольменов единообразны. На склоне горы вырезалась полка, туда ставился сам дольмен, по внешнему периметру камеры от основания плит и до крыши он засыпался рваными кусками известняка средних и мелких размеров. Перед фасадом дольмена сооружался портал из горизонтально положенных плит прямоугольной формы толщиной до 40 см. Они располагались вдоль линии боковых плит камеры, как бы их продолжая.

Особая ценность полученной информации из этих раскопок состоит в том, что один из этих дольменов (№ 9) оказался неграбленным, хотя и нарушенным при карьерных работах. Он сложен из пяти плит, трапециевидный в плане и профиле, в нижней части передней плиты имеется отверстие ароч-

ной формы, заткнутое пробкой. Двое погребенных (подростки) сохранились в анатомическом порядке – вытянуто на спине, руки вдоль тела, головами к задней плите. Поскольку неграбленный дольмен содержал материалы эпохи поздней бронзы, аналогичные тем, что находились в остальных разрушенных дольменах, то отнесение всех дольменов этого могильника к эпохе поздней бронзы вполне обоснованно.

В каждом дольмене находилось несколько погребенных. Там, где удалось зафиксировать анатомическое положение погребенных, выяснилось, что они лежали вытянуто на спине, головами к задней плите камеры дольмена, то есть на СЗ. Артефакты, обнаруженные в дольменах, состоят из сосудов и бронзовых украшений. Большинство сосудов орнаментированы, небольших размеров, на небольших поддонах, с довольно слабо выраженными покатыми плечиками и с вертикальными ручками-выступами на них, с широким устьем. Орнамент выполнен в разной технике: наклепной, в виде горизонтальных наклепов с зацепами, нарезной – это ряд треугольников, расположенных по плечикам, и оттиски шнура, также образующие треугольники.

Помимо значительного количества сосудов и их фрагментов, в дольменах также было найдено несколько десятков украшений из бронзы: подвески в 1,5 оборота, подвески с обратной петлей, бронзовые спиральки «накосницы». Аналитиком А.Н. Егорьковым спектральному анализу были подвергнуты 65 экз. украшений. Из них 57 содержат более чем 2% мышьяка. В дольменах № 5 и № 6 резко преобладает примесь мышьяка над оловом: соответственно 8 случаев примеси мышьяка и 4 олова. В дольмене № 1, наоборот, бронзовые украшения обладают несколько большим количеством олова – 6 экз., а мышьяка – 4. В остальных же дольменах, практически во всех украшениях в качестве примеси находится олово; так, в дольмене № 9 олово содержало 26 экз. украшений, а мышьяк только 2 экз. В 4 экз. украшений из дольменов №№ 2, 3, 7 – отмечено только олово. Примесь мышьяка и олова в одном предмете встречена в двух случаях в дольмене № 9 и в одном – в дольмене № 10. В дольмене № 1 обнаружены также два экземпляра украшений, в которых встречены примеси сурьмы. В одном случае это смесь мышьяка и сурьмы, в другом – мышьяка, сурьмы и олова.

Из изложенного видно, что в разных дольменах были найдены украшения с разной по количеству концентрации примесей. В одних дольменах преобладает мышьяк (дольмены № 5, 6), в других – олово (дольмены № 9, 10), в третьих – только олово (дольмены № 2, 3, 7). Но в последних комплексах слишком мало анализов, чтобы утверждать, что они содержат в украшениях примесь только олова. Наиболее разнообразный по составу металл обнару-

жен в дольмене № 1, хотя он и не имеет наибольшего количества анализов, и там же найдены и наиболее разнообразные украшения (Резепкин, 2013).

Ближайшая аналогия сосудам на «поддончике» находится в комплексах из раскопанного ящика могильника Гнокопсе, расположенного на окраине поселка Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе Краснодарского края. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Рядом с ним находился сосуд на «поддончике». У этого же поселка был раскопан дольмен Колихо с останками десятков погребенных. Там также был найден сосуд аналогичной формы (Трифонов и др., 2012). Оба сосуда практически однотипны с сосудах из дольменов могильника Шушук. Территориально гораздо более удаленная аналогия – сосуд с поддоном из Филатовского кургана 1 погребения 1 (Синюк, 1996). Этот сосуд сближает с керамикой из дольменов и общая горшковидная форма тулова на «поддончике», и элементы орнамента, выполненные в прорезной технике – свисающие треугольники, зигзаг, – но отличительная черта – наличие вертикальной ручки-выступа на плечике.

Серия из четырех радиоуглеродных дат по погребению в каменном ящике из Агуй-Шапсуг находится в общем диапазоне от 1670 до 1190 гг. до н. э. Восемь дат из дольмена Колихо, соответственно, от 1850 до 930 гг. до н. э. (Трифонов и др., 2012. С. 103. Табл.1). Псалий из Филатовского кургана 1 погребения 1 В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов относят к первому периоду развития эпохи поздней бронзы (Бочкарев, Кузнецов, 2014. С. 8. Рис.1–15), который представлен датами синташтинской и потаповской культур. Есть и одна раннепокровская датировка. Калиброванный радиоуглеродный возраст периода I определяется в интервале XIX–XVIII вв. до н. э.

В.Я. Стеганцева (Санкт-Петербург)

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ГРАНИЦА МЕЖДУ ЗАПАДНОМАНЫЧСКОЙ И ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНЫМИ КУЛЬТУРАМИ?

В 30-ые прошлого века были открыты яркие памятники катакомбной культуры в Калмыкии и на Нижнем (Западном) Маныче. Тогда же было замечено их сходство между собой и отличие от «классических» донецких катакомбных комплексов, известных с начала XX века.

В 1950 г. А.А. Иессен ввел понятие «степная предкавказская группа или культура». В конце 50-х годов все материалы среднего бронзового века Предкавказья были объединены и описаны А. А. Иерусалимской как «предкавказский вариант катакомбной культуры», позднее получивший статус

культуры. В 1969 г. А.Н. Мелентьев поставил вопрос о выделении из предкавказской культуры особых «манычско-донской» и «элистинской» групп. Первая и наиболее полная характеристика памятников «манычского типа» на Нижнем Дону была дана С. Н. Братченко в 1976 году.

В 90-х гг., ввиду своеобразия катакомбных материалов эпохи средней бронзы Калмыкии и степного Ставрополя по сравнению с нижнедонскими комплексами «манычского типа», В. Л. Державин, С. Н. Арапов, М. В. Андреева и А. Н. Гей предложили разделить памятники манычского типа на две группы и назвать их «восточный вариант манычской культуры», «западный вариант манычской культуры» или «восточноманычская культура» и «западноманычская культура».

В настоящее время памятники восточноманычской культуры наиболее полно описаны М. В. Андреевой в недавно вышедшей монографии (Андреева 2014). Она описала культурное своеобразие исследуемых комплексов, определила их географические границы и выделила памятники «смешанного типа» в междуречье Егорлыка и Калауса, назвав его «контактной зоной» двух манычских культур. Исследовательница отметила, что «важнейшими межевыми ориентирами для носителей двух манычских катакомбных традиций являлись меридионально ориентированные реки Калаус на юге и Джурак-Сал или Большой Гашун на севере, а также расположенное между ними соленое озеро Маныч-Гудило».

Сходство западноманычской и восточноманычской культур настолько велико, что некоторые исследователи не признают разделения манычского конгломерата, признавая за ними единственное различие: погребенные по западноманычскому канону лежат на правом боку, по восточноманычскому – на левом. Скорченность костяков при этом, как правило, одинаковая. Различия между этими культурами имеются в инвентаре, а именно в керамической его части, металл у обеих культур практически идентичен, т. к. культуры одновременны и принадлежат к одной металлургической провинции.

У восточноманычских реповидных сосудов на плечиках имеются небольшие петлевидные ручки, аналогичные ручкам на плечиках горшковидных сосудов, но совершенно не функциональных для реповидных, учитывая размеры и явное тарное назначение этой керамики. У восточноманычских сосудов чугунковидной формы плечики имеют значительный прогиб, что отличает их от западноманычских. В декоре восточноманычской керамики используется плоские штампы округлой, треугольной и прямоугольной формы.

Представляется, что памятники смешанного типа, т.е. памятники несущие признаки обеих культур, должны быть двух видов: восточноманычские,

с чертами западноманычских (левобочные с западноманычским инвентарем) и наоборот, западноманычские с чертами восточноманычских (при правобочном положении костяка реповидные с ручками, сосуды с prognutными плечиками, штампованный орнамент, курильницы суворовского облика, смещенное сочленение камеры и входной ямы).

Картографирование показывает довольно широкую зону, в которой происходили контакты двух манычских культур. Западноманычские памятники вклиниваются в восточноманычские территории на левом берегу Маныча. На правом берегу, в междуречье Маныча и Сала имеются памятники с восточноманычскими чертами.

В междуречье Егорлыка и Калауса влияние идет с западноманычской стороны, а за озером Маныч-Гудило – с восточноманычской. Но при этом нужно учитывать, что северная часть восточноманычского ареала находится на территории Западнокаспийской низменности и именно эта часть испытывала сильное влияние с заволжской стороны.

Заметна довольно широкая полоса, свободная от археологических памятников. Возможно, стоит вспомнить об особенностях этой местности. Маныч, значит соленый, горький. В работах по развитию экологических систем Кумо-Манычской впадины выделяют три этапа. Первый из них отражает естественное состояние водной экосистемы до зарегулирования, до 1936–1948 годов. В этот период на месте теперешнего Пролетарского водохранилища, находящегося на месте озера Маныч-Гудило, существовала цепь пересыхающих озер с преимущественно дождевым питанием. Минерализация воды превышала 100 г на литр, достигая 304 г на литр; в летние периоды некоторые озера пересыхали, и на дне выступала кристаллическая соль. Растительность была представлена солончаками и солонцами.

Эти явления были обусловлены тем, что когда-то давно, 17–15 тыс. лет назад на месте Кумо-Манычской впадины находился пролив, соединяющий Понто-Каспийские бассейны, теперешние Черное и Каспийское моря. по берегам этого пролива открыты палеолитические памятники, теперь, отстоящие довольно далеко от русла Маныча.

Геоэкологический профиль через водоемы Кумо-Манычской впадины показывает очень слабую обводненность этого района.

Если взять данные учета археологических памятников по районам Ростовской области, находящимся поблизости от контактной зоны, то мы увидим, что в наиболее засушливых районах и памятников археологии, преимущественно курганных могильников, учтено гораздо меньше, чем в близких к водным ресурсам. Например, в Семикаракорском районе, учтено 313, в Мартыновском – 169, а в Зимовниковском – 22 памятника.

Таким образом, «граница» между маньчскими культурами существовала в виде довольно широкой полосы с более сложными условиями для выпаса скота. Интересно, что в раннекатакомбное время контакты происходили по той же схеме: по левому берегу Маныча памятники приазовского типа (со слабоскорченными костяками) проникали через междуречье Егорлыка и Калауса на Ставропольскую возвышенность, а памятники восточного типа (с вытянутыми костяками) двигались через междуречье Маныча и Сала в северо-западном направлении.

**В.А. Трифонов (Санкт-Петербург),
Н.И. Шишлина (Москва)**

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ (МОГИЛЬНИК КЛАДЫ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ)

В рамках совместного полевого проекта ИИМК РАН и ГИМ по реконструкции археологического контекста погребений в дольменах, раскопанных Н.И. Веселовским в 1898 г. у станицы Царская (совр. Новосвободная) (ОАК за 1898 г.), в 2017–2018 годах были продолжены раскопки кургана 1.

В результате установлена общая стратиграфия кургана, а также зафиксирована и описана конструкция наземной гробницы прежде неизвестного типа, предшествующая сооружению дольмена с двускатной крышей, раскопанного Н.И. Веселовским.

Гробница представляла собой наземное сооружение со сложенными из камня насухо стенами, мощеным галькой и обмазанным глиной полом с деревянными брусьями по периметру, и глиняной крышей. Фасад гробницы с входом был оформлен в виде неглубокого портала, образованного выступающими торцами боковых стен и козырьком крыши. Общая длина сооружения 3,7 м, ширина 3,5 м, высота 1,5 м. Толщина стен около 60 см, толщина глиняной крыши около 40 см. Гробница ориентирована фасадом на ЮВ.

В погребальной камере гробницы были найдены останки двух человек и сопровождающий инвентарь, характерный для позднемайкопских погребений новосвободненского варианта.

Гробница была перекрыта земляной насыпью высотой около 2,5 м и диаметром около 17 м. Позднее у полы этой насыпи был установлен дольмен с двускатной крышей, гигантская насыпь над которым, перекрыла и более ранний курган.

Существует три основных причины считать это открытие важным для оценки разнообразия погребальных сооружений майкопской культуры, их типологии и хронологической последовательности.

Во-первых, новая разновидность погребального сооружения демонстрирует, что типы майкопских погребений без ям – «на древней дневной поверхности», «на галечной вымостке», «в деревянной раме», «с каменной обкладкой» (Мунчаев, 1975; Кореневский, 2004; Резепкин 2012; 2017) – на самом деле могут представлять единую группу сильно разрушенных или недостаточно полно исследованных наземных гробниц.

Во-вторых, результаты сравнительно-стратиграфического анализа показывают, что в могильнике Клады, дольменам или мегалитическим «новосвободненским гробницам» предшествуют близкие им функционально и, частично, конструктивно, наземные гробницы из менее престижных и трудозатратных материалов – обломочника, гальки, дерева и глины.

В-третьих, наземная гробница, открытая в могильнике Клады в 2017 г., и значительная группа майкопских погребений в ямах разделяют ряд общих конструктивных элементов, включая галечный пол, деревянные рамы и обкладку стен камнем.

Эти данные заставляют пересмотреть общую траекторию развития погребального обряда не только в пределах новосвободненского варианта, но и майкопской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободенская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 243 с.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 415 с.

ОАК, 1901. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 г. СПб: Императорская археологическая комиссия. 197 с.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор–История. 344 с.

Резепкин А. Д., 2017. Погребения эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей : в 3 т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. Т. I. С. 345 – 349.

В.В. Трубников (Ростов-на-Дону)

НОВЫЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕБЕРДЖАЙ-1 В КРЫМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В июле-августе 2015 г. были проведены охранные археологические исследования поселения Неберджай-1 в Крымском районе Краснодарского края. Памятник расположен в 3,3 км к ЮЗ от г. Крымск Краснодарского края, в 4,7 км к СВ от ст. Неберджаевская. Поселение, размером 125 × 215 м, занимает слабо выдающийся возвышенный участок, образованный изгибом старого русла реки Неберджай, на ее правом берегу.

Территория поселения распаивается, по ней проходит газопровод и две нитки водовода с колодцами, а также опора ЛЭП 500 кВ.

Был заложен раскоп 1 площадью 4260 м², состоящий из 174 квадратов, размерами 5×5 м и 2×2 м. Вся площадь раскопа была вскрыта до стерильных суглинистых слоев, представленных коричневым и светло-коричневым суглинками, а также коренной тырсовой породой. В раскопе были прослежены остатки почвенного слоя, содержавшего редкие находки, двух культурных слоев, а также стерильного материкового коричневого суглинка, местами светло-коричневого, с выходом коренной тырсовой породы. Было зафиксировано 175 углубленных в коричневый и светло-коричневый суглинки археологических объектов. Выявлено 26 объектов (ям), содержащих материалы эпохи ранней и средней бронзы.

Объекты 41, 58, 67, 71, 85, 128, 140, 147, 159, 172, 174 относятся к майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности (КИО) и датируются IV–III тыс. до н.э. Объекты 14, 15, 19, 28, 84, 112, 129, 139, 156, 163, 166 относятся к северокавказской КИО и датируются рубежом III–II тыс. до н.э. Объекты 9, 37, 40, 161 содержат в себе материалы как VI–V вв до н.э., так и более ранние, относящиеся к майкопской культуре. Следов фортификации не выявлено. В слое встречаются фрагменты турлука с остатками камыша (обмазка стен жилищ), но сами жилища не выявлены.

Основной археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов.

В ямах, и в меньшей мере, в пластах выявлены фрагменты красноглиняных круговых сосудов, открытой и закрытой формы (в том числе полнопрофильные формы); лепных крупных кругл одонных сосудов (чанов); иных форм.

Кроме фрагментов сосудов керамический материал в ямах был представлен также моделью колеса, монолитными приочажными подставками-

конусами с рожковидными выступами, «дисками» из стенок лепных сосудов, лепными пряслами.

Из каменного инвентаря найдены фрагменты и целые формы терочников, пестов, курантов, зернотерок, единичное кремневое изделие (скребок?).

Костяной инвентарь немногочислен, найдены несколько астрагалов ба-рана с отверстиями, костяная игла-проколка, а также костяной серп из рога оленя.

Из металла имелись несколько височных колец, бронзовая лавролист-ная пластинка. Также был найден миниатюрный каменный тигль.

Поселение Неберджай-1, судя по материалам, относится к псекупско-му варианту закубанского круга памятников майкопско-новосвободненской КИО.

Е.А. Черленок, С.М. Осташинский (Санкт-Петербург)

**О ДАТЕ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАВЕСА МЕШОКО,
РАСКОПКИ 2011–2017 гг.)**

1. Проблема начала бронзового века в горной части Северо-Западного Кавказа тесно связана с оценкой характера взаимодействия между культурами энеолита и раннего бронзового века, а также с радиоуглеродными датами соответствующих памятников. Многие исследователи полагают, что мест-ная энеолитическая культура («закубанская», «накольчато-жемчужной кера-мики» или «мешоковская») проходила в своем развитии, как минимум, два этапа – ранний (домайкопский) и поздний (синхронный раннемайкопским древностям). Основанием для частичной синхронизации двух культур стали совстречаемость в одних и тех же отложениях майкопских и энеолитических материалов. Еще одним аргументом являлось перекрывание диапазонов не-которых радиоуглеродных дат.

2. Навес Мешоко расположен в районе пос. Каменноостский Майкопского района республики Адыгея. Памятник стратифицирован, здесь присутствуют как слой позднего энеолита (5-й), так и раннего брон-зового века (3-й). Между ними залегает четвертый слой, фактически не со-державший культурных остатков. Наличие стерильных отложений позволило достаточно надежно разделить два культурных комплекса в процессе рас-копок. Оказалось, что находки энеолитического и раннебронзового слоев сильно отличаются друг от друга и содержат «чистые» материалы мешоков-ской и майкопской культур.

3. Наиболее вероятное время существования мешоковского слоя укладывается в хронологический промежуток ок. 3800–3600 до н. э. (на основании 4 из 4 радиоуглеродных дат). Абсолютное датирование слоя раннего бронзового века не дало столь однозначных результатов, однако, определенно, указывает на невозможность формирования этих отложений ранее ок. 3600 г. до н. э. (на основании 5 из 6 радиоуглеродных дат). Эти данные позволяют, на наш взгляд, предположить, что смена культур произошла около середины 4 тыс. до н. э.

4. Полученные выводы согласуются с результатами радиоуглеродного датирования некоторых других памятников Северо-Западного Кавказа (например, в районе Новороссийска и Таманского полуострова). Одновременно они ставят ряд новых вопросов, связанных с определением южной границы майкопской культуры в период ее экспансии.

Ю.А. Черниенко (Одесса, Украина)

МАСТЕРСКАЯ БЭЛЭНЕСТЬ И СВЯЗИ ТРАДИЦИЙ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА

Публикация мастерской Бэлэнешть предоставила более надежные данные о местном металлопроизводстве культуры Ноуа I периода, чем имевшиеся ранее. Металлопроизводство раннего этапа культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень (единую производственную зону, в данном случае, в понимании скорее В.А. Дергачева, чем В.С. Бочкарева) объединяет значительная, но не одинаковая роль лобойковско-голоуровского металлокомплекса. Последний, по разделяемому мною мнению В.С. Бочкарева, сформировался в позднесрубной культуре под воздействием волго-уральского импульса и принадлежал таковой Левобережной Украины (бережновско-маевской), хотя соответствующие изделия нередко встречаются за пределами срубного ареала. В указанной мастерской типы, характерные для лобойковско-голоуровских, в том числе (но не для краснояцких), традиций, непосредственно представлены негативами ножа с ромбоподобным перекрестием и бритвы (судя по сравнительно небольшому вырезу). Оба типа, по моему, в частности, мнению, происходят от раннесрубных. Ножи-кинжалы с кольцевым упором лобойковского, на мой, в частности, взгляд, происхождения в эпоху поздней бронзы были широко распространены и характерны, в том числе, для рышештско-краснояцких традиций. Истоки производства в Бэлэнешть безушковых наконечников копий с максимальным расширением

пера без прорези ближе к втулке, подобных очень широко распространенным во времени и пространстве, могут быть карпатскими. Такие изделия и позднее бытовали в культуре Ноуа, но не характерны для сабастиновской, а похожие голоуоровского типа и целые из Бородинского клада имеют ушки. Ножи с ромбоподобным перекрестием можно считать одними из прототипов многих кинжалов-мечей с дуговидным перекрестием или основанием клинка, в том числе, вероятно, в какой-то мере и кинжалов бэлэнештского типа. Впрочем, последний скорее восходит к бабинскому металлокомплексу, в котором есть соответствующие представители как исконно местных (Кичкас А 26/3), так и привнесенных – восточносредиземноморских (Бородинский клад), дунайских (горизонта Хайдушамшон-Апа) по способу крепления рукояти и роли черешков и раннесрубных (покровско-мосоловских), восходящих к абашевским, по общим конфигурациям (Куконештий Векъ 9/28), – традиций. Это, на мой взгляд, согласуется и с географической близостью местонахождений Бэлэнешть, Бородино и Куконештий Векъ. Как бы там ни было, сами кинжалы-мечи с дуговидным перекрестием (основанием клинка) отсутствуют в комплексах лобойковско-голоуоровских традиций, являясь одними из древнейших представителей рышештско-красномаяцко-дичевских (Бэлэнешть, Малые Копани, Мариновка, Борисовка 3/2, Побит Камык). Таким образом, уже в ранний период культур Сабастиновка, Ноуа и Кослоджень формируются не только Красномаяцкий и Дичевский очаги металлообработки, но и Рышештский, еще находящийся под мощным влиянием Лобойковско-Голоуоровского, а единая производственная зона начинает приобретать те черты рышештско-красномаяцко-дичевской зоны металлопроизводства, которые ярко выразились уже в последующее время, когда последней не были чужды и дериваты некоторых лобойковско-голоуоровских типов. Для формирования этой зоны большое значение имело распространение с севера на юг и с востока на запад и юго-запад лобойковско-голоуоровских традиций, с которыми многие свойственные ей типы обнаруживают ту или иную связь. Но само приобретение рышештско-красномаяцко-дичевской зоной металлопроизводства специфических черт могло быть синхронным и связанным для всех ее очагов (протекавшим в сходном направлении, но не без локальных особенностей) процессом адаптации и переработки не только лобойковско-голоуоровских прототипов, а не исключительно моноцентрическим с последующим распространением, скажем, «малокопанийских» традиций. Впрочем, уже в ранний период имели место и заимствования (в том числе с переработкой) между этими очагами (например, красномаяцкими мастерами у дичевских – пещерок топоров-кельтов, наверший рукоятей кинжалов).

А.Ю. Чечина (Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДОНА

Своеобразие ориентировок и расположения погребений в курганах периода средней бронзы было отмечено довольно давно (Мельник, 1902; Городцов, 1902; Нечитайло, 1978; Попова, 1955; Мелентьев, 1966; и др.). По наблюдениям исследователей, катакомбные погребения были впущены камерой к центру. Позднее, на основании всех известных памятников Нижнего Дона, С. Н. Братченко выделил определенные закономерности формирования подкурганной архитектуры (планиграфии погребений): указал на наличие круговой планировки, отметил правильность расположения погребений в кургане, заметил некоторое различие курганов Левобережья и курганов Правобережья (Братченко, 1976).

За последние несколько десятков лет, благодаря массовым охранно-спасательным экспедициям, накопилось значительное количество новых несистематизированных материалов. Появившиеся работы о катакомбных культурах на соседних с Нижним Доном территориях позволяют уточнить хронологические этапы средней бронзы и для указанной области (Андреева, 2014; Кияшко, 2002; Шишлина, 2007; Санжаров, 2001; Смирнов, 1996; и др.). В результате этого возникла возможность по-другому взглянуть на особенности формирования подкурганных кладбищ катакомбного мира, дополнить и расширить наблюдения С. Н. Братченко и попытаться разработать типологию организации подкурганного пространства.

На сегодняшний день возможно выделить три основных типа организации подкурганного пространства:

1. Кольцевое расположение катакомб. Катакомбы располагаются равномерно по кругу вокруг основного погребения.

А. Планировка в два кольца. Ранние погребения впускались на довольно значительном расстоянии, начиная с северо-востока и заканчивая юго-западом, образуя первое кольцо. Погребения более поздних этапов образовывали второе кольцо со смещением ко внешнему краю кургана.

Б. Чередующиеся расположение. Ранние погребения располагались кольцом вокруг основного погребения, либо условного центра кургана, а катакомбы более поздних периодов впускались между ними.

II. Расположение катакомб полукругом (дуговое). Катакомбы устроены полукругом в восточном секторе с севера до юга.

А. Последовательное. Погребения располагаются в хронологическом порядке, в восточном секторе с севера до юга.

Б. В два полукольца. Катакомбы раннего периода равномерно занимают полукруг вокруг основного погребения, внешний полукруг формируют погребения более поздних периодов.

III. Групповое (узелковое/кустовое) расположение катакомб. Чаще всего такой тип планиграфии встречается в курганах с основным погребением энеолитического – раннебронзового времени. В некоторых случаях эти типы сочетаются с круговой планировкой, либо планировкой полукольцом.

А. Веером. Катакомбы обустраиваются в одном из секторов кургана неподалеку от более ранней катакомбы, камерами прорезая соседние погребения. При этом ориентировка на центр сохраняется.

Б. Цепочкой. Катакомбы располагаются друг за другом от более ранней катакомбы к более поздней, часто прорезая дромосы камерами.

В. Ориентировка на одну из катакомб. В некоторых случаях, погребения располагаясь вокруг более раннего комплекса, теряли связь с центральным погребением в кургане и разворачивались камерами к выбранной катакомбе.

Г. Антитезная группировка. Погребения ориентируются камерами в противоположные стороны относительно друг друга.

Исследование ориентировок погребений и планиграфии курганов дает представление о этапах использования каждого кургана, позволяет выделить особенности формирования подкурганного пространства на каждом этапе периода средней бронзы Нижнего Дона.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., 2014. Восточноманычская катакомбная культура. Анализ материалов погребальных памятников. М. 272 с.

Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Городцов В. А., 1902. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Труды 12 археологического съезда в Харькове в 1902 г. С. 175–225.

Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.

Мелентьев А. Н., 1966. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. Вып. 106. С. 92–99.

Мельник Е., 1902. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900–1901 г. // Труды 12 археологического съезда в Харькове в 1902 г. С. 673–702.

- Нечитайло А. Л., 1978.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Попова Т. Б., 1955.* Племена катакомбной культуры. М. (Труды ГИМ. Вып. 24).
- Санжаров С. Н., 2001.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Смирнов А. М., 1996.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Шишлина Н.И., 2007.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. (Труды ГИМ. Вып. 165).

**Н.И. Шишлина, А.Ю. Лобода (Москва),
В.А. Хвостиков, А.С. Колчина (Черноголовка)**

**ЮВЕЛИРНЫЕ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ:
ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ И МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА
СЕРЕБРЯНЫХ И ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ
БОРОДИНСКОГО КЛАДА**

Бородинский клад является результатом процветания многокомпонентной системы внутри- и внерегиональных связей огромной экономической провинции – Северной Евразии рубежа III–II тыс. до н.э., в которой трудились мастера камнерезы, литейщики, ювелиры, независимо друг от друга создавшие шедевры прикладного искусства бронзового века. Клад состоит из оружия, символов власти и социального статуса, фрагментов керамики и бронзовых накладок, культурный и хронологический контекст которых по-прежнему остается неопределенным, как и взаимосвязь между всеми его составляющими.

Пять изделий сделаны из серебра и золота – два серебряных копья сейминско-турбинского типа и втулка от третьего копья, серебряный кинжал и золотая булавка с ромбовидной пластинчатой головкой. Каждое изделие украшено золотыми накладками.

Основная цель технологического и масс-спектрометрического анализа ювелирных изделий клада заключалась в выявлении «авторского почерка» мастера/мастеров, изготовивших уникальные предметы; определение ареала/ареалов, где могли быть расположены ювелирные мастерские и источники золота и серебра, которые пошли на их изготовление. Достижение такой цели могло бы позволить оценить синхронность/асинхронность каждого ювелирного компонента клада.

Первой задачей исследования было определение химического состава изделий, их анализ, определение однородности/вариативности золотых и серебряных сплавов. Эти данные позволяют выяснить вариативность использовавшихся сырьевых источников.

Вторая задача – технологическое изучение: определение следов на поверхности изделий, связанных с их использованием; литьем; последующим декорированием. Выявление ювелирных приемов может указать и на вероятный набор ювелирных инструментов, использовавшихся для орнаментации каждого предмета.

Для проверки полученных наблюдений были проведены эксперименты по изготовлению близких по типу элементов орнаментальных композиций с использованием золотых, серебряных и медных листов и набора современных ювелирных инструментов.

Для определения химического состава серебряных и золотых сплавов ювелирных изделий Бородинского клада был применен масс-спектрометрический метод с индуктивно связанной плазмой (MS-ICP). Полученные результаты отличаются вариативностью, что позволяет высказать предположение об использовании нескольких источников сырья, локализация которых требует дальнейшего изучения.

Реконструируемые ювелирные технологии в орнаментации поверхности копий, кинжала, булавки; приемов декорирования золотыми простыми и фигурными накладками позволяют выделить несколько самостоятельных традиций и орнаментальных стилей. Это указывает на то, что изделия были изготовлены разными мастерами; каждый имел свой авторский ювелирный стиль. Скорее всего, эти мастера работали в разных мастерских, локализацию которых возможно определить при использовании дополнительных инструментальных методов.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант №№17-18-01399.

Е.В. Яровой (Москва)

ЯМНАЯ И КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: СМЕНА ИЛИ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Отношения ямных и катакомбных культур в различных районах Каспийско-Черноморских степей сложились по-разному. Однако многочисленное и разнообразное население ямной КИО не было и не могло быть уничтожено катакомбными племенами. Если кратко остановиться на историче-

ской судьбе ямного населения в Северо-Западном Причерноморье (СЗП), то определенные изменения в погребальном обряде и материальной культуре свидетельствуют о той роли, которую сыграли катакомбные племена на позднем этапе развития ямной КИО.

Последние сыграли огромную роль в истории восточноевропейских степей, знаменуя ее новый период, ставший финальным в истории ямной культуры. Длительное время вопрос о наличии памятников катакомбной культуры в СЗП оставался открытым. Несмотря на то, что их единичные находки были отмечены еще в начале XX в. (Городцов, 1917. С. 117–142), малочисленность катакомбных захоронений служила основанием для исключения этой территории из области распространения данной культуры. Однако широкие исследования в конце XX – начале XXI в. привели к открытию представительной серии катакомбных захоронений в Пруто-Днестровском междуречье (Дергачев, 1986. С. 88–110; Яровой, 2000. С. 27–34; Иванова, 2013. С. 255–275).

Археологические источники свидетельствуют, что позднеямные и катакомбные племена сосуществовали в течение двух-трех столетий, вплоть до проникновения на эту территорию племен культуры многоваликовой керамики. При этом происходила взаимная ассимиляция при доминирующем влиянии со стороны катакомбного населения. Об ямном компоненте в катакомбном населении могут свидетельствовать захоронения со скорченным на спине положением костяков, а также наличие погребальных конструкций в виде ям. Взаимные связи, общие элементы и смешанные формы в материальной культуре (особенно в керамике) обеих групп населения явились здесь результатом исторического сближения, но не генетического родства. Этот вывод подтверждается и антропологическими заключениями (Круц, 1972. С. 173).

Складывается впечатление, что катакомбная культура СЗП представляла собой конгломерат различных племенных образований, костяк которых составляли позднекатакомбные племена ингульской культуры (Тоцев, 1981. С. 70; 1991. С. 109). В него вошли также отдельные группы донецкой катакомбной культуры и остатки ямного и позднеямного населения. Об этом недвусмысленно свидетельствует близость, если не идентичность, некоторых типов катакомбной и позднеямной керамики (чаши, горшки, миски и т.д.). Отмечены и находки позднеямных сосудов в катакомбных захоронениях (овоидные амфоры, банки без поддонов и т.д.) и наоборот. В качестве наиболее яркого примера можно привести синкретическое погребение 1/18 у с. Траповка, совершенного в катакомбе. В нем была обнаружена керамика позднеямного типа: овоидная амфора и горшковидный сосуд вытянутых пропор-

ций (Субботин и др., 1995. С. 18. Рис. 6, 2, 3). С другой стороны, в трех ямных захоронениях у с. Новоградовка находились характерной формы воронки, типичные для катакомбных памятников Приазовья, Волго-Манычского междуречья и Калмыкии (Субботин, 1990. С. 52). За последние десятилетия число подобных комплексов значительно увеличилось.

В то же время прямых данных сосуществования этих памятников мы не имеем. Необходимо подчеркнуть, что курганная стратиграфия ямных и катакомбных захоронений в регионе однолинейна: практически всегда ямные погребальные комплексы оказывались более ранними, и в ряде случаев были разрушены катакомбными захоронениями. Кроме этого, катакомбные племена практически не возводили курганные сооружения, используя для своих целей более древние насыпи. Эта традиция даже позволила говорить о «впускном» характере катакомбной культуры в целом, в отличие, например, от ямной (Писларий, 1988. С. 14–15).

Столь характерная стратиграфическая ситуация в регионе может иметь лишь одно объяснение: видимо, позднеямные племена были вытеснены из определенных районов Днестро-Пруто-Дунайского междуречья, которые впоследствии стали контролироваться исключительно пришельцами (Яровой, 1999. С. 122–124). Чересполосное распределение позднеямных и катакомбных памятников в СЗП было отмечено достаточно давно и объяснялось сосуществованием указанных культур (Тоцев, 1978. С. 44). Подобные выводы нашли полное подтверждение при дальнейших исследованиях.

Можно констатировать, что с начала эпохи бронзы началось расхождение культурных признаков у первоначально родственных коллективов ямной культуры в различных районах восточноевропейских степей. В первую очередь оно было связано с постоянными миграциями скотоводов, которые приводили к регулярным контактам как с другими соседними этносами, так и с местным автохтонным населением. Судя по полученным источникам, проникновение в СЗП катакомбных племен не означало полную смену населения в регионе, а вылилось в пусть и не совсем мирное (на это указывают катакомбные стрелы в костях ямной культуры), но сосуществование двух скотоводческих этносов.

СПИСОК АВТОРОВ

<i>Авилова</i> Людмила Ивановна	ИА РАН, Москва	<i>aviloval@mail.ru</i>
<i>Амиров</i> Шахмардан Назимович	ИА РАН, Москва	<i>shahmardan@mail.ru</i>
<i>Андреева</i> Марина Владимировна	ИА РАН, Москва	<i>amvlad11@yandex.ru</i>
<i>Балабина</i> Вера Игоревна	ИА РАН, Москва	<i>balabina@mail.ru</i>
<i>Гак</i> Евгений Игоревич	ГИМ, Москва	<i>e.i.gak@mail.ru</i>
<i>Гей</i> Александр Николаевич	ИА РАН, Москва	<i>donkuban@mail.ru</i>
<i>Горошников</i> Андрей Алексеевич	ООО «Кубаньархеология», Краснодар	<i>goroshnikov89@bk.ru</i>
<i>Дегтярева</i> Анна Давыдовна	Тюменский НЦ СО РАН	<i>anna126@inbox.ru</i>
<i>Желудков</i> Андрей Сергеевич	ЛОНОО «Археолог», Липецк	<i>aszheludkov@gmail.com</i>
<i>Завершинская</i> Мария Павловна	Ассоциация «Южархеология», Ростов-на-Дону	<i>marialarenok@gmail.com</i>
<i>Загородняя</i> Ольга Николаевна	Харьков, Украина	<i>olgaza@ukr.net</i>
<i>Ивашов</i> Максим Валентинович	ООО «Экспертиза Черноземья», Липецк	<i>m-ivashov@yandex.ru</i>

<i>Ильюков</i> Леонид Сергеевич	Донской ГТУ, Ростов-на-Дону	<i>Iljukov@ssc-ras.ru</i>
<i>Кияшко</i> Алексей Владимирович	Институт истории и международных отношений ЮФУ, Ростов-на-Дону	<i>volgodon5@mail.ru</i>
<i>Клещенко</i> Александр Александрович	ИА РАН, Москва	<i>sansanych@bk.ru</i>
<i>Ковалев</i> Алексей Анатольевич	ИА РАН, Москва	<i>chemurchek@mail.ru</i>
<i>Кожедуб</i> Анатолий Геннадьевич	Институт истории и международных отношений ЮФУ, Ростов-на-Дону	<i>lugalzagessi@yandex.ru</i>
<i>Колчина</i> Анастасия Сергеевна	Институт проблем технологии микроэлектроники и особочистых материалов (ИПТМ) РАН, Черноголовка	<i>a.kolchina@mail.ru</i>
<i>Конькова</i> Людмила Васильевна	РГГУ, Москва	<i>lkonkova@mail.ru</i>
<i>Корневский</i> Сергей Николаевич	ИА РАН, Москва	<i>skorenevsy@yandex.ru</i>
<i>Кузнецов</i> Павел Федорович	Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара	<i>pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com</i>
<i>Куличков</i> Алексей Александрович	МБУ культуры «Межпоселенческий координационно-методический центр Грязинского района Липецкой области», Грязи	<i>kulichckov.aleks@yandex.ru</i>
<i>Купцова</i> Лидия Владимировна	Оренбургский государственный педагогический университет	<i>orelin.84@mail.ru</i>
<i>Ларенок</i> Оксана Павловна	Ассоциация «Южархеология», Ростов-на-Дону	<i>ksanalare@mail.ru</i>

<i>Лобода</i> Анастасия Юрьевна	Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва	<i>lobodaau@mail.ru</i>
<i>Мельник</i> Валерий Иосифович	ИА РАН, Москва	<i>melvaler@yandex.ru</i>
<i>Мишина</i> Татьяна Николаевна	ИА РАН, Москва	<i>tnmishina@mail.ru</i>
<i>Мокрушин</i> Владимир Павлович	НАО «Наследие Кубани», Краснодар	<i>vlmokrushin@yandex.ru</i>
<i>Моргунова</i> Нина Леонидовна	Оренбургский государственный университет	<i>nina-morgunova@yandex.ru</i>
<i>Мусеибли</i> Наджаф Алескер оглы	Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку	<i>necef_museibli@mail.ru</i>
<i>Мухаметдинов</i> Вадим Ильдарович	Башкирский государственный университет, Уфа	<i>vadimufa4@gmail.com</i>
<i>Нарожный</i> Евгений Иванович	НАО «Наследие Кубани», Краснодар	<i>zai_ein@mail.ru</i>
<i>Осташинский</i> Сергей Матвеевич	Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург	<i>osm@mail.ru</i>
<i>Панасюк</i> Наталья Викторовна	Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва	<i>opanatka@yandex.ru</i>
<i>Поплевко</i> Галина Николаевна	ИИМК РАН, Санкт-Петербург	<i>poplevko@yandex.ru</i>
<i>Пыслару</i> Ион	Музей археологии «Каллатис», Мангалия, Румыния	<i>pslr2007@gmail.com</i>
<i>Резепкин</i> Алексей Дмитриевич	ИИМК РАН, Санкт-Петербург	<i>rezepkin@mail.ru</i>

<i>Рындина</i> Наталья Вадимовна	МГУ, кафедра археологии	
<i>Смольянинов</i> Роман Викторович	Липецкая региональная НОО «Археологические исследования»	<i>rws17rws17@yandex.ru</i>
<i>Стеганцева</i> Вероника Яковлевна	ИИМК РАН, Санкт-Петербург	<i>veronika_s@mail.ru</i>
<i>Трифонов</i> Виктор Анатольевич	ИИМК РАН, Санкт-Петербург	<i>victor_trifonov@mail.ru</i>
<i>Трубников</i> Виктор Валентинович	ЗАО «ОКН-проект», Ростов-на-Дону	<i>trubnikov-1977@mail.ru</i>
<i>Усачук</i> Анатолий Николаевич	Донецкий краеведческий музей, Украина	<i>doold@mail.ru</i>
<i>Хвостиков</i> Владимир Анатольевич	Институт проблем технологии микроэлектроники и особочистых материалов (ИПТМ) РАН, Черноголовка	<i>khvos@iptm.ru</i>
<i>Черленок</i> Евгений Александрович	СПбГУ, Санкт-Петербург	<i>eugcherlenok@list.ru</i>
<i>Черниенко</i> Юрий Андреевич	Одесский археологический музей НАН Украины	<i>oamnenu@mail.ru</i>
<i>Чечина</i> Анастасия Юрьевна	ЮФУ, Ростов-на-Дону	<i>a.c.irbis@yandex.ru</i>
<i>Шишлина</i> Наталья Ивановна	ГИМ, Москва	<i>nshishlina@mail.ru</i>
<i>Яровой</i> Евгений Васильевич	Московский государственный университет (МГОУ) им. Н.К. Крупской	<i>jar.evgenijj@rambler.ru</i>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА
ЦИРКУМПОНТИЙСКОГО
РЕГИОНА:
НОВЫЕ ДАННЫЕ И МАТЕРИАЛЫ**

Отв. редактор

к.и.н. А.Н. Гей

Редактор-составитель

к.и.н. М.В. Андреева

Дизайн и верстка: *В.Ю. Луньков*

Обложка *Н.С. Сафроновой*

Подписано в печать 12.11.2018. Формат 70х100/16

Усл. печ. л. 7,4. Уч.-изд. л. 5,3.

Тираж 150 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58.

ISBN 978-5-94375-261-2

9 785943 752612